

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА ФИЛОЛОГИИ

КОНЦЕПТЫ «ВОДА», «ВОЗДУХ», «ЗЕМЛЯ», «ОГОНЬ» В ТВОРЧЕСТВЕ А.И.КУПРИНА

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.03.05 Педагогическое образование,
профиль Русский язык и литература
очной формы обучения, группы 02031202
Жигулиной Татьяны Сергеевны

Научный руководитель
д.ф.н., профессор
Озерова Е.Г.

БЕЛГОРОД 2017

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. Концепт как категория современной когнитивной лингвистики	
1.1. Понятие «концепта» и «концептосферы»	6
1.2. Соотношение значения, понятия и концепта	12
1.3. Структурная организация концепта	17
1.4. Концептуальная метафора как способ концептуализации	21
ВЫВОДЫ	28
ГЛАВА II. Репрезентация концептов («Вода», «Земля», «Огонь», «Воздух») на материале текстов А.И.Куприна	29
2.1. Концепт «Вода» в текстах А.И. Куприна	29
2.2. Концепт «Земля» в текстах А.И. Куприна	33
2.3. Концепт «Огонь» в текстах А.И. Куприна	35
2.4. Концепт «Воздух» в текстах А.И. Куприна	40
2.5. Экспериментальные исследования концептов первостихий	44
ВЫВОДЫ	40
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	50
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	51
Приложение	59

Введение

Понятие «концепт» связано как с лингвистикой, так и культурной составляющей человеческого существования. Арсенал культуры обладает набором общечеловеческих понятий, которые отражают мировоззрение, к примеру, человека или определенной нации. На этом основании следует, что каждое понятие национально специфично. Употребление слова в контексте дает возможность для формирования инварианта и соответствующей коннотации.

Анализ культурных концептов был начат еще М. Бубером, Л. Витгенштейном, Г.Х. фон Вригтом, М.Хайдеггером, Х.Г. Гадамером. В России этим занимались Н.Д. Артюнова, Д.С. Лихачев, Н.А. Бердяев, А.Ф. Лосев, Ю.С. Степанов и др. Достижения ученых в области когнитивной лингвистики, концептологии связаны с именами ученых: А.П. Бабушкин, А. Вежбицкая, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, В.В. Колесов, Е.С. Кубрякова, Д. Попова, И.А. Стернин и некоторые др.

Категория концепта (лат. *Conceptus* – понятие) относится к Пьеру Абеляру, который рассматривал концепт как форму «схватывания» смысла, «собрание понятий, замкнутых в воспринимающей речь душе», «связывание высказываний в одну точку зрения на тот или иной предмет при определяющей роли ума, преобразующего высказывания в льнущую к Богу мысль» (Неретина, 1994: 141).

Филологический анализ концептов позволяет как можно точнее определить позицию автора. Современная когнитивная лингвистика закрепила за собой представления о полевой организации структуры концепта. Когнитивные составляющие, которые представлены в словарной дефиниции концепта соотносятся с ядром концепта, а контекстуальные репрезентации смысла образуют его периферию (Бочегова, 2005).

Индивидуальный сознательный опыт писателя как культурное я языковое явление одновременно, становится неотъемлемой частью

коллективного опыта в познании окружающей действительности. Д.С. Лихачев отмечает, что «далеко не все люди в равной мере обладают способностью обогащать «концептосферу национального языка...Особое значение принадлежит писателям...(особенно крестьянству)...чем богаче национальный, сословный, классовый, профессиональный, семейный и личный опыт человека, пользующегося концептом, тем богаче сам «концепт» (Лихачев, 1997).

Так как концепт есть «мыслительное образование», находящееся в сознании посредством образов, картин, имеет представление исследование концептосферы на материале авторских текстов, которые способны наиболее подробно и объективно определить имеющиеся слои концепта и полный спектр значений.

Актуальность дипломной работы обусловлена антропоцентрическим направлением исследования, связывающим человека, социум, а также бытие и когнитивный подход к материалу, возможностью в процессе работы определить потенциал слова в художественных произведениях А.И. Куприна.

Объект работы – концепты «Вода», «Земля», «Огонь», «Воздух».

Предмет работы – репрезентация концептов первостихий в художественных текстах А.И. Куприна.

Цель исследования состоит в описании и анализе концептов первостихий как ментальных и философских категорий в текстах А.И. Куприна.

Исходя из цели, перед нами стоят следующие **задачи**:

1. Проанализировать понятие концепта и концептосферы;
2. Определить природу и сущность концепта;
3. Описать значимость данных концептов в философско-эстетическом мире А.И. Куприна;
4. Выявить признаки, формирующие концепты первостихий;
5. Описать специфику репрезентаций концептов первостихий в авторской реализации.

Научная новизна дипломной работы заключается в том, что концептам первостихий, которые занимают особое место в ментальной и языковой картине мира, в современной науке не уделяется должного интереса и внимания к их описанию. Исследование данных концептов позволит целостному восприятию их особенностей, позволит осмыслить ментальное значение концептов воды, земли, огня и воздуха. В художественных текстах А.И.Куприна они воплощены с особой значимостью в плане выражения ментального сознания и вместе с тем окружающего бытия. Представление первостихий в текстах писателя анализируется впервые, что также составляет научную новизну дипломного исследования.

Практическая значимость дипломной работы заключается в возможности использования при написании курсовых работ; на уроках комплексного анализа текста, при изучении курса русской словесности.

На этапах работы использовались **методы** контекстуального анализа, наблюдения, сопоставления и обобщения материала.

Работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка и приложения.

ГЛАВА I. Концепт как категория современной когнитивной лингвистики

1.1 Понятие «концепта» и «концептосферы»

На сегодняшний день в современной лингвистике имеется множество обозначений для термина «концепт». В лингвистику слово «концепт» ввел русский ученый и мыслитель Аскольдов С.А. (1870-1945). Термин возник в 1928 году в работе «Концепт и слово». В качестве самого существенного признака концепта С.А. Аскольдов выдвигает функцию заместительства: «Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» (Аскольдов, 1997:269). При этом лингвист обращает внимание на символичность заместительной функции концепта: он является не отражением замещаемого множества, но его «выразительным символом, обнаруживающим лишь потенцию совершить то или иное» (Аскольдов, 1997:270). Аскольдов С.А. утверждал, что концепт как «содержание акта сознания является весьма загадочной величиной – почти неуловимым мельканием чего-то в умственном кругозоре» (Аскольдов, 1997: 40). Также в своей работе С.А. Аскольдов говорит о познавательных и художественных концептах, акцентируя внимание на том, что природа художественного концепта частично тождественна концепту познания.

На данный момент в языкознании сформировалось несколько подходов к изучению понятия «концепт»: логический, психолингвистический, антропоцентрический и лингвокультурологический.

Наиболее полно, на наш взгляд, термин концепт обозначается у Н.Ф. Алефиренко, по определению которого, концепт – когнитивная (мыслительная) категория, оперативная единица «памяти культуры», квант знания, сложное, жестко неструктурированное смысловое образование описательно-образного и ценностно-ориентированного характера (Алефиренко, 2002: 17). Следует обратить внимание на определение Ю.С. Степанова, без которого не обходится ни одно исследование концепта:

«сгусток культуры в сознании человека, то в виде чего культура входит в сознание человека, то, посредством чего, человек сам входит в культуру, ... это тот «пучок» представление понятий, знаний, переживаний, ассоциаций, которые сопровождают слово. Отличие от понятий концепты не только мыслятся, они переживаются. Они предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений» (Степанов, 2001: 43).

Очевидным фактом является то, что именно концепт – ключевое понятие когнитивной лингвистики. Вследствие того, что концепт определяется мыслительной категорией, ненаблюдаемой, содержание данного понятия вариативно в концепциях различных ученых. По утверждению В.Н. Телия, концептом называется «все то, что мы знаем об объекте во всей экстенсии этого знания» (Телия, 1996: 97). Это семантическая категория наиболее высокой степени абстракции, включающая в себя частные значения конкретизации общей семантики. Ко всему прочему, В.Н. Телия подчеркивает, что концепту онтологически предшествует категоризация, создающая типовой образ и формирует «прототип». Слышкин Г.Г. дает следующее определение концепта: «условно-ментальная единица», содержащая примат целостного отношения к отображаемому объекту. Формирование концепта ученый представляет в виде процесса соотнесения результатов опытного познания действительности с ранее усвоенными культурно-ценностными доминантами, которые выражаются в религии, искусстве и т.д. (Слышкин, 2001: 34). По А.П.Бабушкину, концепт «является ментальной репрезентацией, которая определяет, как вещи связаны между собой и как они категоризируются» (Бабушкин, 2001: 16). В.В.Колесов считает, что концепт есть «чистый смысл, не обретший языковой формы; это первосмысл, первообраз, архетип, константа и т.д.» (Колесов, 2002:53).

Е.С. Кубрякова называет концептом «оперативную единицу памяти, всей картины мира, квант знания» (Кубрякова, 1996:90).

На сегодняшний день современная лингвистика выделяет три основных направления к пониманию концепта: культурологическое, лингвистическое, когнитивное.

Представителями лингвистического подхода на природу концепта являются С.А.Аскольдов, Д.С.Лихачев, В.В.Колесов, В.Н.Телия. Так, Д.С.Лихачев, принимая во внимание определение С.А. Аскольдова, полагает, что концепт существует для каждого словарного значения, и предлагает рассматривать концепт как алгебраическое выражение значения. В общем, приверженцы данного подхода понимают концепт как весь потенциал значения слова вместе с его коннотативным элементом.

Представители когнитивного подхода к пониманию сущности концепта определяют его ментальный характер. К примеру, З.Д. Попова и И.А. Стернин и другие представители воронежской научной школы считают концепт мыслительным явлением и определяют его как глобальную мыслительную единицу, «квант структурированного знания». Сторонники третьего подхода уделяют большое значение культурологическому аспекту. Они считают, что вся культура понимается как совокупность концептов и отношений между ними. Ученые трактуют концепт как основную ячейку культуры в ментальном мире человека. Степанов Ю.С., Слышкин Г.Г. убеждены, что при рассмотрении различных сторон концепта внимание должно быть акцентировано на важности культурной информации, которую он передает. Ю.С.Степанов пишет, что «в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры – исходная форма (этимология), сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т.д.» (Степанов, 2001: 41). Другими словами, Ю.С.Степанов говорит о концепте как базовой единице культуры.

Многообразие подходов к определению термина «концепт» является доказательством его двусторонней природы в качестве значения языкового знака (лингвистическое и культурологическое направления) и как содержательной стороны знака, которая представляется в ментальном

(когнитивном направлении). Важно учесть, что дифференциация трактовок условна, данные точки зрения взаимосвязаны, а не противопоставлены друг другу. К примеру, когнитивный и лингвокультурологический подходы к пониманию концепта не являются взаимоисключающими: концепт как ментальное образование в сознании человека есть выход на концептосферу социума, т.е. в конечном результате на культуру, а концепт как единица культуры есть фиксация коллективного опыта, который становится достоянием каждого человека. Другими словами, эти два подхода различаются векторами по отношению к носителю языка: когнитивный подход к концепту предполагает направление от индивидуального сознания к культуре, а культурологический подход – направление от культуры к индивидуальному сознанию.

Учитывая разнообразие существующих определений концепта, можно выделить общую черту, ведь в них всегда принимается во внимание актуальная для современной лингвистики идея комплексного изучения языка, культуры и сознания.

Маслова В.А. в своей работе выделяет инвариантные признаки концепта, представляя его в качестве минимальной единицы человеческого опыта в его идеальном представлении, вербализующаяся с помощью слова и имеющая полевую структуру; основной единицы обработки, хранения и передачи знаний. Далее говорится, что концепт имеет подвижные границы и конкретные функции, а также что концепт социален, его ассоциативное поле обуславливает его прагматику и это основная ячейка культуры (Маслова, 2004: 46-47). Делаем вывод, концепт имеет сложную многоплановую структуру. В нем есть как конкретное, так и абстрактное, как рациональное, так и эмоциональное, как универсальное, так и этническое, как общенациональное, так и индивидуально-личностное. Собственно, этим объясняется многообразие определений.

Концептосфера языка состоит концептов, которые сформированы носителями языка и хранятся в памяти людей. Впервые сформулировал

понятие концептосферы Лихачев Д.С., обозначивший данным термином совокупность концептов (Лихачев, 1993: 8-9). Ученый рассматривает концептосферу как совокупность концептов. Концепты составляют очень разнообразные сферы, в совокупности образующие концептосферы национального языка. При этом Д.С. Лихачев утверждал, что изучать сферу концептов (концептосферу) национального языка необходимо в тесной связи с культурой народа. Он писал: «Концептосфера национального языка тем богаче, чем богаче вся культура нации - ее литература, фольклор, наука, изобразительное искусство (оно также имеет непосредственное отношение к языку и, следовательно, к национальной концептосфере), она соотносима со всем историческим опытом нации» (Лихачев, 1997:284). Кошарная С.А. также считает, что концептосфера – это различные типы объединения концептов (от бинарных оппозиций до концептуальных рядов и множеств), формирующие концептуальные поля. Объединение полей и составляет концептосферу (Кошарная, 2002:54). З.Д. Попова и И.А. Стернин полагают, что источником формирования концептов является познавательная деятельность людей. «Концептосфера – область мыслительных образов, единиц УПК, представляющих собой структурированное знание людей». Кроме того, концептосфера имеет достаточно упорядоченный характер. Концепты, образующие концептосферу, по отдельным своим признакам вступают в системные отношения сходства, различия и иерархии с другими концептами. (Попова, Стернин, 2002:18). Изучение концептов в художественном произведении, их представление различными языковыми средствами, их взаимодействие в структуре художественного целого помогает осмыслить не только мировоззрение самого автора, но и иногда целой эпохи, менталитет какого-либо народа. Исследование с концептуальной точки зрения отдельных произведений и творчества писателя, изучение способов выражения объективной реальности в индивидуальном сознании является актуальным, так как наиболее индивидуально-авторское проявление языковой картины мира находится в

художественных текстах, где «метафора – способ создания самого мира, увиденного глазами мастеров слова» (Телия, 1988:203). Кроме того, значимые лингвоспецифичные концепты находят полное и достоверное выражение в творчестве писателей как носителей национальной культуры. Итак, художественный концепт отличается тем, что имеет ассоциативную природу, обладает эстетической сущностью и образными средствами выражения, которые в свою очередь обусловлены авторским замыслом. Возможности художественных концептов обладают большим потенциалом. Уровень соответствия универсальных и индивидуально-авторских знаний в художественной картине мира текста всегда может быть различна: от полного сходства, тождества – до полного расхождения. Следовательно, концепты художественного текста не могут быть четко и точно определены и описаны.

Концептосфера также состоит из названия произведений, которые через свои значения порождают концепты. К примеру, когда мы говорим «Олеся», мы можем разуметь либо женское имя, либо название известной повести А.И. Куприна, либо героиню этого произведения. Получается, в зависимости от того, читали ли мы Куприна, насколько глубоко и по-своему поняли его и сблизили со своим культурным опытом, данные концепты будут в пределах контекста различаться по смыслу.

1.2.Соотношение значения, понятия и концепта

По данной проблеме исследователи не пришли к единому мнению, рассматриваются различные подходы. «Концепт, понятие и значение – это сущности, которые не наблюдаемы. По мнению Залевской, важно понимать, что при сопоставлении играют роль всего лишь наши гипотезы относительно того, чем, по нашему представлению, могут быть или не быть концепты, понятия, значения» (Залевская, 2001: 36).

Существуют два основных направления, в рамках которых рассматриваются отношения «концепт-понятие». Одни считают, что термин «концепт» шире термина «понятие» и включает его в себя. Такая точка зрения отражается в работах П. Абеляря, М.В. Пименовой, И.А. Стернина, В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина, Л.О. Чернейко, В.А. Масловой и др. Представители второй точки зрения отождествляют эти термины. Подобное видение находится в работах Н.Ю Шведовой., М.В. Никитина, А.П. Бабушкина, А.А. Худякова и др.

Еще Пьер Абеляр рассуждал о соотношении концепта и понятия как целого и части. Он считал, что концепт шире понятия, так как он не сводим к формам рассудка, к чистым логическим категориям. Концепт включает в себя понятие в качестве одного из своих уровней – такое понимание вопроса прослеживается также в работах В.И. Карасика и Г.Г. Слышкина, которые полагают, что понятие является структурным компонентом концепта (Карасик, Слышкин, 2001: 77-78).

Маслова В.А. утверждала, что «если понятие – это совокупность познанных существенных признаков объекта, то концепт – это ментальное национально-специфическое образование, планом содержания которого является вся совокупность знаний о данном объекте, а планом выражения – совокупность языковых средств (лексических, фразеологических, паремиологических и др.)» (Маслова, 2004: 27).

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» В.Н. Ярцевой термины «понятие» и «концепт» синонимичны: «Понятие (концепт) – явление того же порядка, что и значение слова, но рассматриваемое в несколько иной системе связей; значение – в системе языка, понятие – в системе логических отношений и форм, исследуемых как в языкознании, так и в логике. (Ярцева, 1990). Обратимся еще к одной словарной статье, где читаем, одни «учёные отождествляют понятие с лексическим значением слова, другие отрицают их связь. Между тем понятие и лексическое значение слова, относясь к однопорядковым категориям мышления, не совпадают.

Соотношение между ними различно в разных отношениях: значение шире понятия, так как включает в себя оценочный и ряд других компонентов; значение уже понятия в том смысле, что включает лишь различительные черты объектов, а понятия охватывают их более глубокие и существенные свойства; значение соотносится с ближайшими (формальными, бытовыми) понятиями, отличающимися от содержательных, научных понятий» (Ярцева, 1990). Однако отличие концепта от понятия, несомненно, присутствует. Понятие отражает наиболее общие, существенные (логически конструируемые признаки предметов и явлений). В отличие от него концепт может отражать любые, не обязательно существенные признаки объекта. Важнейшими категориальными характеристиками концепта являются сопряженность с областью идеального, сознанием, этнокультурной обусловленностью и вербальными средствами выражения. Исходя из этого, можно заключить, что через значение лексической единицы (имени концепта или других его репрезентантов), через организацию ее семного состава или лексико-семантических вариантов можно приблизиться к содержанию концепта (А.П. Бабушкин, А. Вежбицкая, Г.Г. Слышкин). Концепт, являясь когнитивной категорией и семантической сущностью, вполне соотносится с понятием и значением языкового знака. Однако концепт неверно отождествлять с понятием и значением слова, которое его репрезентирует. Концепт намного шире их обоих. Языковые средства своими значениями вбирают лишь часть концепта (какие-либо представления о мире), так как из-за его многоплановости полностью концепт выразить не представляется возможности. Содержание концепта включает понятие, но не ограничивается им.

Итак, согласно Н.Ф. Алефиренко, термин концепт терминологически неопределен (Алефиренко, 2010:5), понятие образует наиболее стабильный пласт (содержательное ядро) концепта, представляющего собой обобщенное абстрагированное знание, общее для всего этноязыкового коллектива (Алефиренко, 2005: 54-55). Существуют предпосылки, которые

поспособствовали смешению концепта и понятия. Ю.С. Степанов писал, что «концепт – явление того же порядка, что и понятие. По внутренне форме слова концепт и понятие в русском языке тождественны: концепт является копией с латинского *conceptus* – «понятие»; понятие от др.-рус. глагола *пояти* – «схватить, взять в собственность, взять женщину в жены» (Степанов, 2001:43). Ученый говорит о том, что различие данных терминов обуславливается тем, что концепт и понятие термины разных наук. Термин «понятие» применим в логике и философии, а «концепт» закрепился в лингвистической культурологии. Более того, он стал обозначать продукты речемыслительной деятельности «посредством чего человек – рядовой, обычный ...сам входит в культуру...» (Степанов, 2001:43). Н.Ф. Алефиренко делает вывод о том, что началом начал в цепи рассматриваемых терминов является концепт, ведь этимология латинского слова *conceptum*, употреблявшаяся в значении «зерно, зародыш». В.В. Колесов проводит сравнение между данным термином и «ростком первообраза», «первосмыслом». Следовательно, концепт не может соответствовать понятию, которое обозначает уже оформившийся и отфильтрованной логикой объект мысли. Ученый пишет, что концепт хоть и стимулятор познания, однако еще не оформленный «пролог». Концепт выступает протопонятием, потенциальным понятием (Колесов, 2002).

Ошибочно было бы отождествлять концепт с образом, так как он не обладает референтным значением. Можно сделать вывод, что концепт, являясь мыслительным образованием, находится в нашем сознании одновременно с предметно-чувственным образом, конкретным предметом мысли и понятия. В.В. Колесов считает, что концептом является смысл, который не обрел материальной формы и поэтому пока еще не понятие, но уже образование, содержащее его сущность (Колесов, 2002:44).

Алефиренко Н.Ф. поясняет в своей работе, что утверждение «концепт–сущность понятия» вступает в противоречие с теорией Степанова Ю.С. По мнению ученого, все наоборот: понятие выступает сущностью концепта. Он

ставит понятие в один ряд с образностью и оценочностью. По мнению ученого, данные составляющие образуют один структурный слой концепта. Алефиренко Н.Ф. подвергает сомнению утверждение, что сущностью каждого концепта будет выступать понятие, акцентируя внимание на том, что, к примеру, сущность художественных концептов сосредоточена в образно-смысловой составляющей. В своей статье ученый приводит еще одну серьезную причину для сомнения. Колесов В.В. четко раскрыл категориальную сущность концепта в виде «первообраза», «первомысла», который отражен в сознании предмета сознания. Соответственно, этот «зародыш» представления о предмете никак не может совпадать с понятием, так как является логически стройным обобщением существенных признаков какого-либо объекта. По мнению Демьянкова В.З. эта мысль находит подтверждение, потому что концепт сохраняет в своей семантике «незавершенность» (Демьянков, 2001: 35-47). Все это, по мнению Алефиренко Н.Ф., делает точку зрения Колесова В.В. наиболее мотивированной.

Многие ученые обращались к вопросу о разграничении терминов «концепт» и «понятие». Как утверждает Болдырев Н.Н., «в отличие от понятия, которое отражает наиболее общие, существенные признаки предмета или явления, концепт может отражать один или несколько, любые, не обязательно существенные, признаки объекта» (Болдырев, 2004:16). Ученый обуславливает различия между понятием и концептом теоретическим и обыденным способом познания. Противоположной точки зрения, наряду со Степановым Ю.С., придерживается Худяков А.А., который в своей работе проанализировал словарные дефиниции слов: «концепт» (concept) и «понятие» (notion). По мысли ученого, «в лучшем случае оба слова сводятся к ключевому понятию «мысль», то есть idea, в худшем случае определяются по принципу терминологического круга – одно через другое. Худяков А.А. считает, что данные термины тождественны и что концепты

являются – основной формой осуществления понятийного мышления. понятийный инвентарь» (Худяков, 1996:102).

Несомненно, соотношение между значением и концептом носит сложный характер. По мнению Е.С. Кубряковой, значением слова может стать только концепт, «схваченный знаком» (Болдырев, 2004:40).

По мнению других ученых, значение слова не только отражает действительность, как концепт, это общеизвестная и коммуникативно-релевантная часть концепта, выступающая в актах коммуникации (Стернин, Попова, 2001). Бабушкин Н.А. находит термины «концепт» и «понятие» тождественными и говорит о вытеснении из научного обихода одного из них, а именно, термина «понятие»: «сегодня лингвисты почти не оперируют термином «понятие» в его классическом смысле и предпочитают говорить о мыслительных структурах, именуемых концептами» (Бабушкин, 1996: 14).

По мнению Шведовой Г.Ю. концепт выступает как «понятие, поименованное языком в виде лексического значения слова» (Шведова, 2006: 506).

1.3. Структурная организация концепта

На сегодняшний день в науке существуют несколько подходов к обозначению структуры концепта. Наиболее распространенные подходы принадлежат Карасику В.И., Стернину И.А., Степанову Ю.С., Колесову В.В., Слышкину Г.Г. По мнению Степанова Ю.С., концепт многослоен и в нем содержится «основной признак», «актуальный слой», а также дополнительный и «буквальный смысл» (Степанов, 2001:44). Такой подход можно именовать диахроническим, так как здесь структура концепта наблюдается в процессе развития в рамках культуры.

Слышкин Г.Г. предлагает ассоциативную модель концепта, основываясь на том, что концепт действует в виде процесса непрерывной номинации и реноминации объектов. Происходит появление новых ассоциативных связей и утрата старых. Здесь ученый говорит об интразоне

концепта (общее количество входящих в концепт ассоциаций) и экстразоне (совокупность исходящих ассоциаций) (Слышкин, 2002:60).

В работе Стернина И.А. и Поповой З.Д. представлена полевая модель концепта. Авторы полагают, что концепт имеет многослойную организацию, основываясь на том, что и значение слова обладает полевой структурой (Попова, Стернин, 2001). Ядро концепта образует некий чувственный образ, который формируется на базе личного опыта человека, следовательно, он случаен и конкретен. Он выявляется в ходе психолингвистического эксперимента. Стоит учесть, что при массовом эксперименте будет получено большое количество индивидуальных, неповторяющихся реакций, отражающих индивидуальный опыт. Если же какая-то реакция повторяется многократно, то это будет являться либо отражением устойчивой сочетаемости, либо стандартизированного, общенационального концептуального образа. Когнитивный слой отражает определенные имеющиеся знания о внешнем мире, это и есть результат когниции. Концептуальные признаки образуют когнитивные слои. Наличие базового слоя, дополнительных когнитивных признаков и когнитивных слоев образуют сущность концепта, что определяет его структуру. Признаки здесь развиваются по направлению от менее абстрактных к более абстрактным. К ядру будут тяготеть слои, обладающие наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, так скажем, первичные яркие образы, а абстрактные, неопределенные слои образуют периферию концепта. Авторы обращают внимание, что «концепт может и не обладать многочисленными концептуальными слоями, однако базовый когнитивный слой с чувственно-образным ядром будет у каждого концепта, в противном случае, концепт не сможет функционировать в качестве мыслительной единицы» (Попова, Стернин, 2002:34). Периферийный слой содержания концепта обозначается термином «интерпретационное поле концепта», включающий оценки и трактовки различных признаков концепта различными носителями языка (или группами носителей). Эти оценки отражаются в высказываниях, отражающих интерпретацию отдельных

концептуальных признаков, в дискурсивном использовании пословиц и поговорок (Попова, Стернин, 2001).

Карасик В.И. выделяет в структуре концептов – духовных ценностей – образную, понятийную и ценностную составляющие (Карасик, 1999: 39). Образный компонент автор интерпретирует в качестве «следа чувственного представления в памяти в единстве с метафорическими переносами». Понятийная составляющая представляет собой «совокупность существенных признаков объекта или ситуации и итог их познания» (Карасик, 1999: 39). По мнению ученого, ценностная составляющая (с лингвокультурологической точки зрения) является доминирующей, так как она более культурно значима. Помимо образной, понятийной и ценностной составляющих, Воркачев С.Г. выделяет также значимостную, «определяемую местом, которое занимает имя концепта в языковой системе» (Воркачев, 2004:7). Значимостная составляющая включает ассоциативные и этимологические характеристики концепта. Данный термин принадлежит Ф. Соссюру, назвавший «значимостью» совокупность имманентных характеристик, определяющих место языковой единицы в лексико-грамматической системе (Соссюр, 1977:113-114, 146-148). По мнению Алефиренко Н.Ф., структурные слои концепта могут выделяться на иных основаниях – по характеру смыслообразующих признаков и соотносятся в этом случае с семантическими компонентами слова.

Степанов Ю.С. говорит о том, что одновременно в структуре культурного концепта присутствуют 3 компонента (слоя). Первый компонент – это основной, актуальный признак. Он существует для всех пользующихся данным языком. Второй компонент – это дополнительный, "пассивный", "исторический" признак; они существуют лишь для некоторых социальных групп, причем пассивные признаки актуализируются главным образом при общении людей внутри этой социальной группы. Третий компонент – внутренняя форма, которая, как правило, не осознается и запечатлена во внешней словесной форме (этот этимологический признак открывается лишь

исследователям). Стоит учесть, что буквальный смысл всегда является исходной точкой развития концепта в ментальной действительности.

Исходя из имеющихся подходов в лингвистике, структура концепта заключается в образной, ассоциативной, понятийной, ценностной, этимологической и исторической составляющих. Этимологическая составляющая (Степанов Ю.С. говорил об «этимологическом слое») обуславливается внутренней формой слова. Она способствует дополнительной мотивации его ценностной составляющей. Говоря об ассоциативной составляющей, отмечается появлением наиболее частотных ассоциативных отношений, которые имеют внеконтекстную связь с концептом. Данная составляющая в некотором смысле пересекается с понятийной, в силу того, что может заключать в себе смыслы, однако основными в ее содержании будут являться родовые признаки. Образная составляющая концепта включает не только наглядно-чувственное представление, но и сочетание концептуальных метафор. Ценностная составляющая концепта заключается в его компоненте, который может быть разделен на актуальность и оценочность. Важные признаки ассоциативных составляющих концепта включает историческая. Этимологическая составляющая определяет национальное своеобразие концептов. Стоит учесть, что концепт в историческом развитии поддается диахроническим изменениям за счет появления новых репрезентантов, и поэтому этимологическую составляющую нужно определять в определенных исторических рамках.

По мнению Н.Ф. Алефиренко, структурные слои концепта могут быть соотнесены с различными по своему характеру семантическими компонентами слова: так, суперкатегориальный, наиболее абстрактный слой концепта, указывает на ту область концептосферы, к которой относится данный концепт (предметность, количество, признак), и соотносится с классемой; категориальный (иначе групповой) слой концепта соотносится с архисемой; понятийный слой – с субкатегориальными (первичными

денотативными) семами; этнокультурный слой, отражающий специфическое видение мира членами одного этноязыкового сообщества, – с семами вторично-денотативного характера; наконец, образно-ассоциативный слой концепта, выражающий предметно-чувственные представления каждого носителя того или иного языка, соотносится с широким спектром первичных и вторичных коннотативных сем. Алефиренко Н.Ф. справедливо отмечает: "Наличие образно-ассоциативного слоя – один из важнейших признаков концепта, по которому он отличается от понятия и благодаря которому он обладает необходимой коммуникативно-смысловой вариативностью" (Алефиренко, 2003: 28).

1.4. Концептуальная метафора как способ концептуализации

В конце 70-х годов XX века языкознание проявило интерес к когнитивным структурам, составляющим основу языковой компетенции и речевой реализации. Возникло новое направление – когнитивная лингвистика, которая представляет собой новый подход к исследованию естественного языка, при котором язык понимается как инструмент для организации, обработки и передачи информации и как разновидность способности человека к познанию (наряду с другими когнитивными способностями – памятью, вниманием, мышлением, восприятием). Семантика занимает основное место в этой области, основным объектом ее исследования является значение. Одной из главных теоретических проблем – соотношение семантики с действительностью. Основным интересом когнитивных лингвистов сосредоточен в таких явлениях как прототипичность, регулярная полисемия, когнитивные модели и метафора в качестве универсального когнитивного приема. Особое место в когнитивной лингвистике заняла теория метафоры. Как отмечается в работе современных лингвистов, метафора рассматривается как основная ментальная операция,

как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира. (Чудинов, Будаев, 2007:16).

С момента возникновения метафоры ее рассматривали с разных точек зрения, отрицали, отводили ей второстепенные роли. К примеру, Платон не одобрял использование изобразительных средств языка, а Цицерон считал метафору ненужным изобретением. Долгое время существовало именно такое негативное отношение к метафоре.

Изучение метафоры связано с именем Аристотеля. Метафорические переносы он рассматривал как весомое средство языка, имеющие положительное воздействие на слушателя и усиливающие аргументацию. Основой метафорического переноса Аристотель определял подобие двух предметов и считал его основным средством познания.

Ницше Ф. считал, что метафоры являются самыми эффективными, естественными, точными и простыми средствами языка (Ницше, 1990:390).

В классической риторике метафора представлялась в основном как отклонение от нормы – перенос имени одного предмета на другой. Целью данного переноса является либо заполнение отсутствия в системе одного языка эквивалента для лексической единицы другого языка (лексической лакуны), либо некое «украшение» речи. Позднее проблема метафоры переместилась из риторики в лингвистику. Возникшая сравнительная концепция метафоры, в которой метафора позиционировалась как изобразительное переосмысление обычного наименования представлялась как скрытое сравнение.

По мнению Блэка М., существуют две причины метафорического словоупотребления: автор использует метафору при невозможности найти нечто равноценное метафорического значения или при использовании метафорической конструкции с чисто стилистическими целями. Метафорический перенос, по мнению ученого, сочетает в себе уникальность семантического значения и стилистический потенциал (Блэк, 1990:156).

Дэвидсон Д. полагал, что метафора обладает лишь своим прямым словарным значением. Только личность истолкователя определяет метафорическое значение образа (Дэвидсон, 1990:174).

Когнитивная теория Дж. Лакоффа и М. Джонсона является одной из популярных теорий метафоры. По их утверждению, метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний: структуры – «источника» и структуры – «цели». Область источника в когнитивной теории представляет собой опыт человека. Область цели – менее конкретное знание, «знание по определению». Данный подход оказался плодотворным, поскольку позволял определить метафору не только в терминах лингвистического явления, но и как явления мыслительного. Они отмечают: «Метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, и не только язык, но и мысль и действие. Наша обычная концептуальная система, в терминах которой мы думаем и действуем, является метафорической по своей природе» (Лакофф, Джонсон, 1990:188). Согласно теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, метафора – это повседневная концептуальная реальность, которая помогает нам думать об одной сфере в терминах другой. Отмечается, что концептуальные метафоры естественны и так глубоко пронизывают мышление, поэтому, как правило, их «метафоричность» не ощущается и не осознается носителями языка. Они являются самоочевидными в качестве прямого описания тех или иных явлений внутреннего мира человека.

Уже в работе Лакоффа Дж. и Джонсона М. представлена типология базовых концептуальных метафор, которые порождают массу метафор более частных и находящих свое выражение в конкретном языковом материале. Более совершенной классификации пока не создано, и в исследованиях до настоящего времени присутствует с некоторыми модификациями следующая типология базовых метафор, восходящая к концепции Лакоффа Дж. и Джонсона М. Так, выделяются структурные метафоры, когда одно понятие структурно метафорически упорядочивается в терминах другого. Концептуализируют отдельные области, путем переноса на них структурной

организации других областей (любовь / жизнь – это путешествие). Ориентационные метафоры – организация целой системы, понятий по образцу некоторой другой системы. Понятия подобного рода связано с пространственной ориентацией, с базовыми пространственными оппозициями «верх-низ», «внутри-снаружи», «правый-левый». С помощью онтологических метафор происходит осмысление опыта в терминах объектов, веществ и субстанций, что позволяет вычленять некоторые части опыта и трактовать их как дискретные сущности или вещества некоторого единого типа (инфляция – это сущность, психика – это хрупкий предмет). Метафоры канала связи являются процессом коммуникации движения смыслов, наполняющих языковые выражения, по каналу, связывающему говорящего и слушающего. Строительные метафоры являются смыслом крупных речевых произведений как «конструкцию» из менее мелких «блоков» – смыслов. Контейнерные представляют смыслы как наполнение конкретных языковых единиц.

В теории концептуальной метафоры важную роль имеет вопрос о связи метафоры и культуры. Данная проблема имеет два аспекта. Во-первых, вопрос о согласованности метафор с культурными ценностями. Лакофф Дж. и Джонсон М. считали, что «те ценности, которые реально существуют и глубоко укоренились в культуре, согласуются с метафорической системой». При этом культурные ценности существуют не изолированно друг от друга, а должны образовывать согласованную систему совместно с метафорическими понятиями, в мире которых протекает наша жизнь (Лакофф, Джонсон, 1990: 405). Во-вторых, проблема универсальности концептуальных метафор. Уже у Лакоффа Дж. и Джонсона М. присутствует упоминание о том, что не все культуры распределяют приоритеты по ориентационной шкале «верх-низ», существуют культуры, в которых более существенную роль играют понятия равновесия или расположения относительно центра, что позволяет авторам сделать вывод, что главные ориентационные шкалы представляются общими для всех культур, но виды ориентации, принятые для конкретных понятий,

роль ориентационных принципов, с точки зрения их приоритетности, «варьируются от культуры к культуре. Следовательно, базовые концептуальные метафоры в значительной степени универсальны (например, метафора контейнера), однако возникающие на их основе метафоры более частного характера могут обнаруживать некоторые специфические особенности.

Категоризация окружающей действительности является одной из важнейших проблем когнитивной лингвистики, при этом значительную роль в ней играет метафора в качестве проявления аналоговых возможностей человеческого разума. Метафора в современной когнитивистике выступает основной ментальной операцией, в качестве способа познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира. В «Кратком словаре когнитивных терминов» Кубрякова Е.С., рассматривая когнитивную метафору как одну из форм концептуализации, определяет ее в качестве «когнитивного процесса, который выражает и формирует новые понятия и без которого невозможно получение нового знания». Автором отмечается, что по своему источнику когнитивная метафора отвечает способностям человека улавливать и создавать сходство между разными индивидами и классами объектов (Кубрякова, 1997:53-55). При общем подходе метафора рассматривается как видение одного объекта через другой и в этом смысле является одним из способов репрезентации знания в языковой форме. Метафора относится к сложным мыслительным пространствам (областям чувственного опыта).

Английский ученый Э. Ортони выделил три основные причины использования метафоры в повседневной жизни: «Они помогают нам говорить кратко, делают нашу речь яркой, позволяют выразить невыразимое» (Ортони, 1990:215). Важно разграничивать понятие метафоры от других явлений языка для того, чтобы выделить ее в текстовом пространстве и определить в этом пространстве ее роль. Обратимся к определению метафоры Арутюновой Н.Д. (Арутюнова, 1999:296):

«Метафора – троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т.п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении». В работе Арутюновой Н.Д. сказано, что метафора не только формирует представление об объекте, она также предопределяет способ и стиль мышления о нем. Нина Давидовна отмечает не языковую, а концептуальную природу метафоры. Особая роль в этом принадлежит ключевым метафорам, задающим аналогии и ассоциации между разными системами понятий (Арутюнова, 1990:14). Она выделяет номинативные метафоры (замена одного значения другим), образные метафоры образуются вследствие перехода идентифицирующего значения в предикатное и служащая развитию фигуральных значений и синонимических средств языка. Когнитивная метафора возникает в результате сдвига сочетаемости предикативных слов и создающая полисемию. Генерализующая метафора стирает в лексическом значении слова границы между логическими порядками и стимулирующая возникновение логической полисемии (Арутюнова, 1998:366).

Таким образом, когнитивная метафора является категорией когнитивной лингвистики. Современная теория метафоры рассматривает метафору как важную ментальную операцию, способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира. Человек при помощи метафор мыслит и познает окружающий мир.

По мнению Шабанова, метафора определяется как понимание и ощущение одного явления в терминах другого, «при этом под явлением понимается не отдельно изолированный объект, как в случаях традиционного подхода к метафоре, а целостная картина видимого реального мира, которая используется для репрезентации и осмысления объемного и многоаспектного явления» (Шабанова, 1999: 159-160).

Чудинов А.П. отмечает, что специфика концептуальной метафоры определяется тем, что в ее основе «лежат не значения слов и не объективно существующие категории, а сформировавшиеся в сознании человека концепты. Эти концепты содержат представления человека о свойствах самого человека и окружающего его мира» (Чудинов, 2001: 52).

Телия В.Н. выделяет области функционирования концептуальной метафоры: научную, публицистическую речь и обиходно-бытовой язык, особенно в тех областях, которые связаны со сферами мышления, чувств, социальных акций, морали. (Телия, 1988: 195). Другой исследователь выделяет также человеческую сферу, т. е. обозначения эмоций, мыслей, видов деятельности, свойственных человеку; сферу явлений и процессов общественной жизни; явления и процессы, изучаемые наукой (Опарина, 1988: 69).

Концептуальная метафора, подобно любой метафоре, проходит через стадию образа. Отличается она тем, что в конечном результате, «она стремится освободиться от образности» (Опарина, 1988: 67). На эту же особенность концептуальной метафоры указывает и Лагута О.Н. По ее наблюдениям, «на концептуальном уровне метафоричность снимается сразу же после того, как заканчивается формирование концепта» (Лагута, 2003: 106). Именно это и дает право исследователям сделать вывод о том, что теория концептуальной метафоры нацелена прежде всего «на выявление глубинных переносов концептов, которые лежат в основе обыденного употребления языка, которое воспринимается нами уже как буквальное, а не фигуральное.

Теория концептуальной метафоры активно разрабатываемая область когнитивных исследований. Наличие вопроса о концептуальной метафоре и ее функционировании в языке и речи позволяет проводить серьезные исследования в области мыслительных процессов человека. Метафора, являясь способом мышления и познания мира, отражает фундаментальные культурные ценности, так как базируется на национально-культурном

мировидении. По мысли Петрова В.В., метафора «активно участвует в формировании личностной модели мира, играет крайне важную роль в интеграции ментальной и чувственно-образной систем человека, а также является ключевым элементом категоризации языка, мышления и восприятия» (Петров, 1990: 135), что и обусловило столь пристальное внимание к данному феномену когнитивной лингвистики и лингвокультурологии.

ГЛАВА II. Репрезентация концептов первостихий на материале текстов А.И.Куприна

2.1. Концепт «Вода» в текстах А.И. Куприна

В работе Степанова Ю.С. находим определения живой и мертвой воды. Отмечается, что и та, и другая вода – активны. Мертвая вода имеет целительные свойства: заживляет нанесенные раны, сращивает рассеченное тело, но еще оставляет его мертвым, не оживляет его. Оживляющим же эффектом обладает именно живая вода. Делается вывод о двух ипостасях воды: живая вода попадает на землю из высшего мира; мертвая вода – из земного мира вон. Таким образом, мертвая вода, на своем пути по-своему активная, та же живая вода, но уже отдавшая свою живительную силу земле. Концепт «Вода» в прозе Куприна А.И. встречается в 58 произведениях. Приведем сочетаемость стихии с эпитетами: *живая вода* («Ю-ю», 1927), *голубая вода* («Яма», 1909-191), *вонючая вода* («Черная молния», 1912), *дождевая вода* («Жрец», 1905), *морская вода, сонная вода* («Поединок», 1905), *черная вода* («События в Севатополе», 1905), *быстротекущая вода* («На глухарей», 1899), *чистая вода, бурная вода святая вода* («Молох», 1896). Исходя из примеров, наблюдается как нейтральная, так и отрицательная коннотация концепта «Вода».

В народных представлениях вода – основная стихия мироздания, наряду с землей, огнем и воздухом. Вода считалась опорой, на которой держится земля, а также источником жизни и средством магического очищения. Сохранились свидетельства во многих памятниках письменности о почитании водных источников древними славянами. У восточных славян поклонение священным источникам связывалось с именем св. Параскевы Пятницы, являющаяся покровительницей водной стихии.

Характерны представления о церковном освящении воды. Из воды изгоняли бесов и очищали от скверны. Считалось, что освященная в день Крещения вода становится здоровой, целебной, способной излечить болезни. В тексте Куприна А.И. «Ночная фиалка» зафиксировано целительное

свойство воды: *Тогда матушка взяла кропило и окропила всех присутствующих освященной крещенской водой, а сама читала трогательное воззвание к Божьей Матери: «Призри с небеси, всепетая Богородица, на их лютое телесе озлобление и утоли печаль их души...» («Ночная фиалка», 1933).*

Существовало поверье, что вода в полночь перед Рождеством, Крещением или Пасхой превращается в вино. Такой водой умывались, поили больных, кропили скот и т.д. Таким образом, у восточных славян символика воды достаточно разнообразна и связана как с природными свойствами воды, так и с представлениями о воде как опасном и чужом пространстве. В словаре Даля В. вода представлена стихийной жидкостью, ниспадающей в виде дождя и снега (Даль, 1905:102). В творчестве Куприна А.И. выделим группу характерных состояний воды: град, снег, дождь, лед: *И вот начинается град несчастий («Как я был актером», 1903), ...рыхлый снег... («Мирное житие», 1904).* Для придания образности и выразительности в описании дождя используется фразеологический оборот «как из ведра»: *Затем дождь полил как из ведра («Яма», 1909-1915).* Лед представлен в текстах в обиходном значении, а также с оттенками отстраненности и отчужденности: *...руки были холодны, как лед («Впотьмах», 1892).* Обратимся к наименованиям водоемов, которые реализуются в текстах автора в прямом и в переносном смыслах. Море и океан выражают значение обширного пространства, которое кем-то или чем-то заполнено: *Среди океана живет морской змей в версту длиною («Листригоны», 1911).* Лексема «море» при помощи метафоры приобретает значение большого количества чего-либо: *А дальше – море нежных, неуловимых оттенков, от розовых до кроваво-красных и пунцовых, от фиолетовых и лиловых до коричнево-бурых («Путевые картинки», 1900).* Отрицательной коннотацией в текстах писателя выступает лексема болото: *Глупостью, пошлостью, провинциальным болотом и злой сплетней повеяло на Ромашова от этого безграмотного и бестолкового письма («Поединок», 1905).*

Лексема трясина ассоциируется не только в качестве зыбкого, болотистого места (Ушаков, 1935-1940:105), но и как непреодолимые человеком жизненные обстоятельства: *Вы сами видели сегодня болото, вонючую человеческую трясину» («Черная молния», 1912)*. Омут в произведениях писателя «Яма» и «К славе» представлен в переносном смысле. Здесь лексема выступает не в качестве наименования водоема, а имеет отрицательную окраску и представляется чем-то беспросветным: *Но зато каждый раз, когда судьба приведет в мою гостиную молодое...существо, – мне все кажется, что я толкаю его собственными руками в глубокий и грязный омут («К славе», 1894)*.

Помимо данных лексем, концепт «Вода» репрезентируется лексемой река. Как и у восточных славян, в текстах Куприна А.И. номинативно представлен образ священной воды, по которой, согласно энциклопедии Брокгауза. Ф, проходили торговые флоты: *Ты похожа на царскую ладью в стране Офир...на золотую легкую ладью, качаясь, по священной реке... («Суламифь», 1908)*. Фразеологизм *как в воду канул («Погибшая сила, 1900)*, в значении бесследно исчезнуть, быть забытым, имеет достаточно интересное толкование. Лета в древнегреческой мифологии – река забвения в подземном царстве, из которой души умерших пили воду и забывали всю свою прошлую жизнь (Федоров, 2002: 456). Очистительная символика находит отражение и у восточных славян во многих обрядах: сплавление по реке предметов, подлежащих отправке на тот свет (Славянская мифология, 2002: 289).

В произведении писателя «Суламифь» сравнение *глаза твои глубоки, как два озеро Есевонских у ворот Батраббима («Суламифь», 1908)* определяет пафос данного высказывания. Есевон – упоминаемая в Библии столица амореев, разрушенная во время борьбы. Среди развалин сохранились водоемы, давшие повод библейскому певцу любви сравнить глаза своей возлюбленной с «озерками есевонскими» (Малый энциклопедический

словарь, 1909:279). Получается, образ сохранившихся водоемов является еще одним доказательством неприкосновенности и святости воды.

Находим следующий фразеологизм *как в воду опущенная* («*Страшная минута*», 1895), репрезентирующий концепт «Вода». В данном случае речь идет о человеке, имеющем унылый, подавленный вид (Малый энциклопедический словарь, 1909:334). Данное сравнение исконно русское и связывалось с древними обычаями «Божьего суда», в частности, испытания огнем и водой, что зафиксировано «Русской правдой! Ярослава Мудрого. Так, утонувший признавался невинным. По другим представлениям, водой испытывали женщин, которые обвинялись в колдовстве. Другой пример: *Я вас выведу на чистую воду* («*Яма*», 1909-1915) означает уличать кого-либо в чем-либо, разоблачать кого-либо в обмане, дурном поступке, выявлять правду. Значение данного фразеологизма по значению сходно с предыдущим: подозреваемого бросали в реку, и если он всплывал, то считался виновным. По иному представлению, посредством гадания на «свежей» воде образ человека.

Обратимся к следующему примеру: *...по их словам, был готов в огонь и в воду* («*Памяти Чехова. Он между нами жил*», 1905). Словарь определяет значение данного фразеологизма как готовность на любые рискованные действия, не раздумывая и не колеблясь. Огонь и вода являются символами самых трудных и опасных испытаний. Фразеологизм основан на древнейших архетипических оппозициях «жизнь-смерть», «горячий-холодный», в основе которого лежит метафора, уподобляющая сознательный отказ от личных благ и интересов намеренному попаданию, вхождению в огонь и в воду.

Фразеологизм в тексте Куприна А.И: *как две капли воды* («*Миллионер*», 1895) означает, что предмет имеет абсолютный аналог в виде другого предмета (Телия, 2006:345). Здесь в основе лежит метафора, в которой предметы окружающего мира (*всему миру известные рассказы* («*Миллионер*», 1895) уподобляются капле воды, которая выступает в данном случае в роли полной идентичности.

Таким образом, культурная репрезентация концепта «Вода» (см. Приложение) в славянской мифологии и художественных текстах Куприна А.И. позволяет проследить динамику становления этого концепта в национальном сознании и восприятии читателя.

2.2. Концепт «Земля» в текстах А.И. Куприна

Стихия земля представлена в различных анализах лишь фрагментарно. Земля, находящаяся в одном ряду среди стихий мироздания, выступает центральной частью вселенной (небо – земля – преисподняя), которая населена людьми и животными, а также является символом женского плодоносящего начала и материнства. В славянской культуре земля – это плоская твердь, которая окружена водой и накрыта сверху небесным куполом. Не стоит забывать о метафоре материнства и плодovitости (способность приносить урожай, Мать-сыра земля). Земля осмыслялась как всеобщий источник жизни. В православной культуре образ Матери-Земли близок образу Богородицы, что привело к формированию культа Богородицы-Земли. Высказывание «мать – сыра земля» имеет связь со стихией воды, так как земля оплодотворена дождем и готова давать урожай. Также для славянских традиций представления о Земле как месте обитания человека теснейшим образом связаны с понятием своего рода и Родины (Виноградова: 2002, 180).

Исследуемая первостихия продолжает традиции славянской мифологии, русской классической литературы в понимании и демонстрации земной субстанции, а также вносит коррективы в соответствии с духом своего времени: *Повалился он на сырую землю и уж думает, что ему конец приходит («Сказка», 1896); И вдруг, оторвавшись от перекладки, упал мешком на землю («Поединок», 1905);... есть земля — и ходи по земле («Белый пудель», 1903).* Действительно, данный концепт, являясь промежуточным компонентом в триединстве мироздания (По Виноградовой,

«небо – земля – пространство) восходит к христианскому обычаю предания усопшего земле: *В его случаях фигурировали: то святотатцы, задумавшие обобрать покойника, стоявшего в церкви, то убитый разбойниками монах, требовавший по ночам, чтобы его тело предали земле...* («Ужас», 1896). В другом тексте эта мысль подтверждается: *Пора бы уж, старик, пора; землей пахнешь* («На покое», 1902). Обратимся к примеру, в котором концепт «Земля» является символом новой жизни: *Четыреста десятин плодородной земли со всеми усадьбами* («Киевские типы», 1895-1897). Эпитет «плодородная» создает антинонимичную пару, которую определяем как «жизнь-смерть». Таким образом, в антиномии проявляется сила мысли писателя, особенности восприятия Куприным концепта «Земля».

Индивидуально-авторское переосмысление земной стихии порождает качественно новоиспеченные значения, преображающие образ и передающие особенности интерпретации данной стихии через призму А.И. Куприна, обусловленные социокультурным опытом писателя, богатым арсеналом ассоциаций: *Изнемогая от любви, она опускается на землю и едва слышно шепчет безумные слова* («Суламифь», 1908). В данном контексте концепт «Земля» может ассоциироваться с возвращением к реальной жизни, которая лишена грез и наивных иллюзий. Концепт «Земля» отождествляется с окружающим пространством, который предстает не только как все окружающее вокруг, но и сравнивается с «темницей» и «склепом»: *И земля, такая обширная и прекрасная, была тесна для людей, как темница, и душа, как склеп* («Тост», 1905).

Концепт «Земля» является одним из важнейших элементов русской языковой картины мира, отражающей национальную специфику носителей языка. В прозаическом тексте возможности слова, определяемые индивидуально-авторскими ассоциациями, обогащаются при использовании, например, фразеологических оборотов, что приводит к увеличению семантического объема лексем: *Угасил свой светильник, зарыл в землю талант, как раб ленивый* («Яма», 1909-1915). В Большом фразеологическом

словаре русского языка находим значение устойчивого выражения «зарыть талант в землю: не использовать, губить способности, природный дар. Интересным будет обратиться к культурологическому комментарию, в котором сказано, что талант – единица меры веса и монета у древних евреев, греков, римлян (Даль, 1999:388). Образ данного выражения восходит к евангельской притче и образован метафорой, уподобляющей кого-либо губящего свои дарования человеку, зарывающему в землю то ценное, что должно преумножаться.

Концепт «Земля» в прозе Куприна А.И. встречается в 67 произведениях и представлен совокупностью единиц, которые связаны значением и структурными отношениями (см. Приложение). Репрезентантами концепта «Земля» являются следующие тематические группы: «Наименования территорий», «Рельеф местности». «Наименования территорий» образуются лексемами «страна», «город», «поселок», «губерния», «улица», «хижина», «жилище», включая перечень городов и стран, которые используются в текстах автора: *Но со следующей почтой он получил письмо из города Ялты в свой город Кинешму («Юнкера», 1932)*, Группа «Рельеф местности» связывается с помощью таких лексем, как «овраг», «вулкан», «материк», «гора»: *В оврагах теперь у меня столько нанесло снегу, что лошадь уйдет с дугой («Черная молния», 1912)*, *А над вулканом поднималось куполом вверх, зелenea биюзой и аквамарином, кроткое вечернее весеннее небо («Поединок», 1905)*, *Под Зелеными Горами он шесть раз водил свою роту на турецкий редут, и у него от двухсот человек осталось только четырнадцать («Гранатовый браслет» 1911)*.

Во многих произведениях А.И.Куприна отражается надфилософское представление о Земле. Это связано с философским взглядом на землю как несущую «поверхность»: *И вдруг, оторвавшись от перекладки, упал мешком на землю («Поединок», 1905)*. Таким образом, многогранность авторского восприятия отражает связь и особенности концептуализации

рассмотренных пластов концепта «Земля» с другими единицами концептосферы писателя.

2.3. Концепт «Огонь» в текстах А.И. Куприна

В силу того, что огонь является предметом мира культуры, мы должны рассмотреть его в качестве концепта (Степанов, 2001:269). В энциклопедическом словаре славянской мифологии огонь наряду с водой, воздухом и землей представлен основной стихией мироздания. В словарной статье сказано, что символика огня (как и воды) имела неоднозначный характер. С одной стороны, огонь представлялся грозным, яростным, мстительным пламенем, грозящим смертью и уничтожением; с другой – огонь выступает в роли очищающего пламени, который несет свет и тепло, воплощает творческое и активное начало. Огонь воспринимался посредником между человеком и божеством и считался священным.

В словаре русской культуры Степанова Ю.С. представлены образы «живого огня» и «мертвого» по аналогии с «живой и мертвой водой». Если с «живым огнем», который добывался древним способом при помощи трения, у автора не возникло вопросов, то понятие «мертвого огня» ему кажется противоестественным. Под «живым» понимается огонь, «заново добытый трением для особых целей, а также для того, чтобы во время эпидемий и эпизоотий заменить им уже имеющийся огонь в домашних печах, зажечь от нового огня костры и провести через них скот, дабы уберечь от заразы» (Степанов, 2001:269). Таким образом, в традиционном русском сознании концепт «Огонь» совмещает как положительные, так и отрицательные признаки. В творчестве А.И. Куприна сочетание «живой огонь» зафиксировано в рассказе «Инна»: *Ах, красота женских лиц, освещаемых снизу живым огнем, этот блеск белых зубов и прелесть улыбающихся нежных губ, и яркие острые блики в глазах, и тонкие пальчики, делающие восковые каташки («Инна», 1928).* Автор не случайно указывает, что именно

живым огнем были освещены женские лица, ведь так они представлены в особом свете, детали их портрета описаны с особой достоверностью и натуральностью.

В славянском фольклоре огонь был неотъемлемой частью многих обрядов и ритуалов. Стихия способна как сжечь, уничтожить, так и возродить к новой жизни, очистить, вернуть молодость и здоровье. В краткой энциклопедии славянской мифологии сказано: «...в купальскую ночь принято было прыгать через костер, так как считалось, что это на весь год защитит «от всякой хвори, от злого колдовства и всякого лиха» (Краткая энциклопедия славянской мифологии, 2001: 386). Считалось, что браниться при разведении огня считалось грехом. Таким образом, с образом огня было связано огромное количество народных обрядов и поверий, без него не могли обойтись при родах, болезнях и похоронах, на свадьбах, для защиты, очищения и т.д.

Существовало понятие «внутреннего» огня, целью которого было поддержание тепла человеческого тела, однако его избыток приводил к болезни. Помимо этого, в народной культуре метеориты отождествлялись с падающими на землю огненными змеями. Образ змея, имеющего огненную природу или пышущего огнем (например, Змей-Горыныч), известен по многочисленным сказкам и былинам; он воплощает стихию огня и иногда сближается с образом *жар-птицы* восточнославянских сказок (Мифы народов мира, 1992:238-239). «В поверьях многих губерний России огненный шар, змей (описываемый не вполне определенно) - форма существования (превращения) или свидетельство присутствия нечистых духов, главным образом черта» (Русские суеверия, 2000:377). Архаичным является образ огненной реки, отделяющей мир мертвых от мира живых.

Бесспорно, огонь считался символом богатства и изобилия. Погашение или отдача огня в доме являлись знаками утраты благополучия. В краткой энциклопедии славянской мифологии читаем: «Даже при христианстве огонь называли «богом», «святым огнем»; при зажигании огня читали молитвы, а

сам огонь считали очистительной стихией, священной силой» (Краткая энциклопедия славянской мифологии, 2001:385). Считается, что огонь дан людям самим богом, который ниспослал его с небес на помощь первому человеку при изгнании его из рая, когда человек оказался в безвыходном положении и не способен был приготовить пищу. Бог послал молнию, которая расколола и зажгла дерево, таким образом показав способ добывания столь почитаемого и признаваемого святым живого огня. Были и другие легенды, согласно которым огонь называется адским и небесным, в них содержится когнитивная информация о том, что огня на земле до грехопадения не было, после же отворились адские врата, пламя вырвалось оттуда и появилось на земле, с целью причинять людям вред пожарами и бедствиями.

Также представляет интерес целый ряд соотношений значения «огонь» с другими значениями, описанный в работе Маковского М.М.: значение «огонь» соотносится со значением «язык», «род», «семья» (типологически ср. русск. пламя, но племя). Известно, что, когда молодые покидали родительское гнездо, они брали с собой к своему новому очагу горящие уголья со старого, что помогало сохранить родственные связи. Значение «гореть» может переходить в значение «мир», «Вселенная»; «огонь» может соотноситься со значением «летать» (ср.: русск. парить, но парить). Также ученый обращает внимание на соотношение значений «огня», «водь» и «жизнь». Вода, по преданию, считалась сестрой или женой огня, иногда его соперницей. Огонь находился в противопоставлении с водой и одновременно сближался с нею благодаря своей бесформенности и текучести.

Концепт «Огонь» в прозе Куприна А.И. встречается в 58 произведениях. и репрезентируется следующими лексемами: пламенный, пылкий, жаркий, кипучий (см. Приложение): *Сначала письма его носили вульгарный и курьезно пылкий характер... («Гранатовый браслет», 1911., Было время кипучего детства... («Поединок», 1905). Он знал Ренненкампа лично...его пламенную храбрость («Последние рыцари», 1934).* Обратим

внимание на то, что в исследуемых нами текстах данные лексемы употребляются как в прямом, так и переносном смысле. Таким образом, словосочетания, в основе которых лежит метафора, имеют экспрессивную тональность и являются ключевыми для идиостиля писателя. В концепт «Огонь» входят репрезентанты чувства, в частности любви и ненависти: *Так и кажется мне, что я всех их перед собой вижу; и мужа вашего, и этого красавца – итальянского певца, и того гвардейца, который из-за пылкой любви к вам отстрелил себе мизинец...*(«Странный случай», 1896), *Позвольте заключить в пылкие объятия! Они тут же, на улице, крепко расцеловались* («Поединок», 1905). В «Толковом словаре русского языка» огонь определяется как «раскаленные светящиеся газы, отделяющиеся от горящих предметов» (Ушаков:1935-1940), поэтому приведем яркий пример, в котором лексема ненависть репрезентируется исследуемым концептом: *Но в странной тишине и в глубокой черноте этой осенней ночи я все яснее вижу и спину и морду древнего чудовища, и я чувствую, что его хитрый и злобный маленький раскаленный глаз следит за мною с затаенным чувством ненависти* («Листригоны», 1911). Еще одним репрезентантом прекрасного чувства является жар: *Он твердит: вино бросает в жар любовный...*(«Алмазный мой венец», 1975-1977). В приведенных примерах изображенные чувства проявляются в высшей степени.

В силу того, что концепт «Огонь» представлен множеством лексем, выделим группу явлений, обозначающих природные явления (костер, пламя, пожар): *лесной пожар* («Юнкера», 1932), *бурное море пламени* («Гранатовый браслет», 1911), *пламя костра* («Поединок», 1905). Отдельно отметим группу продуктов горения (гарь, жар, дым и т.д.): *табачный дым, жара адова* («Юнкера», 1932). Отдельно следует обозначить действия, которые свойственны только огню: *Слышно было, как потрескивал и шипел огонь в лампе...* («Поединок», 1905), *Зажгли огонь...* («Брегет», 1897). То, что подвергается воздействию огня, у А.И. Куприна представлено не только в прямом смысле: *Сгорело все, до последней соринки* («Царицынское

пожарище», 1901), но и при помощи фразеологизмов: Застенчивый Александров с той поры, идя в отпуск, избегал проходить Ильинской улицы, чтобы не встретиться случайно глазами с глазами книжного купца и не сгореть от стыда» («Юнкера», 1932).

В мифологии выделяется «небесный огонь», который производит громовержец при помощи молнии. Считалось, что небесный огонь не мог погаситься водой, а, наоборот, сильнее разгорался. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля «небесный огонь» считается «нисшедшим сверху, из облаков, молния» (Даль, 1905:1659). Данное словосочетание в русской картине мира может определяться метонимическим переносом огня в качестве метафоры, репрезентирующей Бога. Как сказано в Ветхом Завете, Бог-Отец Яхве появляется в виде столпа огня. В произведении А.И. Куприна *огонь священного безумия* («Суламифь», 1908) является обязательным компонентом верующего человека, который надеется приблизиться к Богу, ведя непритязательную жизнь.

Следовательно, культурная репрезентация концепта «Огонь» в славянской мифологии и художественных текстах А.И. Куприна позволяет проследить динамику становления этого концепта в национальном сознании и восприятии читателя.

2.4. Концепт «Воздух» в текстах А.И. Куприна

Воздух – важная составляющая жизни человека, в народных представлениях одна из основных стихий мироздания. В энциклопедии славянской мифологии сказано, что воззрения на воздух как среду обитания бесов присуще книжной христианской традиции. Природа, человек и космос находятся в неизменном единстве и взаимодействии. Тексты А. Куприна неоднократно подтверждают безоговорочную значимость и ценность воздуха для всего живого на земле: *...давай воздух ловить* («С улицы», 1904). В

славянской мифологии воздух служит проводником, через который насылается порча и распространяется болезнь.

Концепт «Воздух», являясь ментальным образованием, имеет лингвистическое выражение и этнокультурные особенности: *В воздухе пахло скошенным сеном, медом и росой* («Лунной ночью», 1893); *Морозный воздух совсем опьянил меня...* («Психея», 1892). Концепт «Воздух» образуется системно, благодаря взаимодействию трех составляющих: понятийной, образной и ценностной. В дефиниционной и признаковой структуре заключается понятийная часть, которая основывается на идейных признаках, создающих центр концепта. Воздух ассоциируется с окружающим пространством: *Может быть, когда угаснет мое сознание и вместе с ним исчезнет для меня все: города, площади, парадные свистки, утра и вечера, номера гостиниц, тиканье часов, люди, звери, воздух, свет и тьма, время и пространство...* («Река жизни, 1906), с пищей: *Жадный и капризный Онегин бил копытом о деревянную настилку и, закусывая, по дурной привычке, верхними зубами за окованный железом изжеванный борт кормушки, тянулся шеей, глотал воздух...* («Изумруд», 1907). Когнитивные метафоры фиксирует образная составляющая, которая поддерживает концепт в языковом сознании и основывается на признаках, представляющих его центр. Метафора обладает сильным коннотативным значением: *...представляют для деревни лишь простое сотрясение воздуха* («Черная молния», 1912); *Вы походите по воздуху и старайтесь дышать как можно реже и глубже* («Морская болезнь», 1908); *Потом задрожало все»: воздух, стены, свет, звуки – весь мир* («Мелюзга», 1907); *Ромашов слышал только, как пронзительно свистнул разрезанный воздух* («Поединок», 1905). Ценностная составляющая отождествляет значимость концепта и является также ядром значения, потому что без данного смысла невозможно представить общую картину мира: воздействие на человека, интенсивность, важность, предмет знания, восхищение, симпатия. К примеру, положительная оценка: *И какой чудный воздух: дышишь – и сердце веселится* («Гранатовый браслет», 1910).

Отрицательная оценка выражается следующим предложением: *Потом страшное чувство недостатка воздуха, задыхания, смертельного удушья* («Колесо времени», 1929).

Репрезентантами концепта «Воздух» являются следующие тематические группы: «Наименования воздушной стихии», «Комплексные стихийные явления», «Состояние атмосферы».

Группа «Наименования воздушной стихии» связывается с помощью таких лексем: ветер, буря, вихрь, ураган и некоторые другие. Приведем пример: *Налетел легкий ветер и, точно сочувствуя ей, зашелестел листьями* («Гранатовый браслет», 1910); *И подумать только, что всю эту бурю страстей вызвала противная, замаринованная классная дама, похожая на какую-то снулую рыбу...* («Юнкера», 1932); *В вихре жизненного вальса Вера позабывает своего поклонника и выходит замуж за красивого молодого Васю, но телеграфист не забывает ее* («Гранатовый браслет», 1910). Лексема буря репрезентируется метафорой: *...бурю проклятий* («Конокрады», 1903). «Комплексные стихийные явления» объединяет следующие лексические единицы: шторм, буря. *Профессора томит приближающаяся буря* («Жанета», 1933); *После вчерашнего дождя и шторма был ясный солнечный день, тихий и теплый...* («Колесо времени», 1929). Группа «Состояние атмосферы» определяется лексемами: мгла, жара, холод, туман. Например, *Это от жары, день был ужасно жаркий* («Ночная фиалка», 1933); *То по целым суткам тяжело лежал над землей и морем густой туман...* («Гранатовый браслет», 1910); *Но никого уже нет на дороге, которая одиноко белеет среди темных кустов в серой утренней мгле* («Суламифь», 1908).

Концепт «Воздух» определяется арсеналом значимых для А. Куприна концептуальных признаков: воздух – это чувство, жилище, вода, леса, земля, и т.д. Отличительной особенностью А. Куприна является изображение воздуха как солнца, света, тепла, простора, мечты и др. (см. Приложение).

Критерии выбора лексического материала, особые случаи употребления помогают дать представление о языковой личности писателя, особенностях его менталитета и мироощущения окружающего мира. Культурный компонент смысла слова, отраженный в художественном тексте, включает социально-историческую, интеллектуальную и другую «национально-специфическую информацию». Образ мира, отраженный в слове писателя, всегда соотнесен с культурой и историей народа, а каждое авторское слово является носителем этой культуры.

В представлениях ночи, звездного неба, тишины неба и так далее автор неоднократно использует оценочные эпитеты («бессонная ночь», «райская ночь», «ужасная ночь», «поздняя ночь», «лунная ночь», «пасхальная ночь») «вечное небо», «беззвездное небо»); сравнения («ночь как темпа», «день им казался черным, как ночь», «глаза же у царя были темны, как небо»); олицетворения («проходила ночь», «проведя мучительную ночь», «задумчивое небо»). Куприн стремится показать в своем творчестве, что потеря связей между человеком и природой приведет к неполноценности бытия и утрате космических связей: *Тут бы жить да жить на берегу моря, в тишине, спокойненько* («Гранатовый браслет», 1910); *Нависшие на ветвях пышные комья снега давили их книзу, придавая им чудесный, праздничный и холодный вид. Снег розовел на солнце и синел в тени. Мною овладело тихое очарование этого торжественного, холодного безмолвия, и мне казалось, что я чувствую, как время медленно и бесшумно проходит мимо меня* («Олеся», 1898). Купринские охотничьи сюжеты, описания природы представлены читателю с целью попытки восстановить космическое мироощущение, которое является актуальным для нашего времени. Куприн всячески раскрывает перед читателями красоту и пестроту жизни, показывает поэтическую привлекательность окружающей природы: *Небо, воздух и земля заволакиваются густым зловещим мраком* («Жанета», 1933); *И неужели ты не согласен со мной, что дар любви, как и все дары человеческие, представляет собой лестницу с бесконечным числом ступенек,*

ведущих от влажной, темной, жирной земли вверх, к вечному небу и еще выше? («Колесо времени», 1929). Пейзажам писателя свойственна краткость и наглядность, повышенная эмоциональность и одушевленность: *густой воздух, ласковое небо, спокойное небо*).

Анализ ключевых слов – репрезентантов концепта «Воздух» в произведениях Куприна позволяет наиболее полно проследить все ипостаси индивидуально-авторского осмысления концепта. Проведенное исследование показывает, что художественное словоупотребление писателя отличается нестандартностью, уникальностью, яркостью представления и смыслового порождения. Художественные тексты А. Куприна удивляют многообразием используемых образов.

В когнитивной структуре авторского смысла определяются содержания, связанные в сознании конкретного автора текста. С помощью оригинального словообразования писатель персонифицирует важность концепта «Воздух», приписывая конкретные лексемы (к примеру, прилагательные или существительные) к определенному блоку явлений и объектов, состояний или свойств. Обратимся к контекстам: «К вечеру это угнетенное состояние так усилилось, что она, не сказав никому ни слова, тихонько оделась и вышла из дома, думая, что *свежий воздух* хоть немного ободрит ее» («Впотьмах», 1892); «Как эта самая баба заведется в хате, – говорил брезгливо Ясь, – так сейчас *воздух дурной* пойдет» («Славянская душа», 1894); «*Ресторанный воздух* точно воскресил в нем ту наигранную, преувеличенную и манерную любезность, которой отличаются актеры вне кулис, на глазах публики» («На покое», 1902).

Приведём сочетаемость данной стихии с эпитетами: свободный воздух, радостный воздух свежий воздух морозный воздух дурной воздух мягкий воздух прозрачный воздух нагретый воздух холодный воздух осенний ветер; ленивый воздух ресторанный воздух.

В сочетании языковых единиц в тексте выражается творческая индивидуальность автора. Следовательно, культурная репрезентация

концепта «Огонь» в славянской мифологии и художественных текстах А.И. Куприна позволяет проследить динамику становления этого концепта в национальном сознании и восприятии читателя.

2.5. Экспериментальные исследования концептов «Вода», «Земля», «Огонь», «Воздух»

Ассоциативный эксперимент является одним из первых проективных опытов. З.Фрейд и его последователи предполагали, что неконтролируемые ассоциации являются символической или иногда прямой проекцией часто неосознаваемого содержания сознания. Основное преимущество ассоциативного эксперимента в простоте его проведения, а также свободная направленность, таким образом, ассоциации, возникающие в связи с определенным стимулом (знаком, предметом, в нашей работе концептом) образуют его семантическое поле, которое разнообразно у различных носителей языка (Серкин, 2009: 22). С позиции психолингвистики «в числе ведущих направлений при описании концепта можно назвать ассоциативный подход с ключевым для него понятием ассоциации» (Залевская, 1999: 36). По утверждению Чернейко Л.О. и Долинского В.А. «Способы ассоциаций, основанные на принципе сходства или смыслового сближения, обслуживают универсальную потребность человеческого духа в осмыслении неосознаваемого» (Чернейко, Долинский 1996: 33). Анализ ассоциативных связей слов позволяет обнаружить глубинную модель отношений и связей, специфическую внутреннюю структуру концептов, которая складывается у человека при помощи мышления и речи и лежит в основе «когнитивной организации» их многостороннего опыта, так как ассоциации помогают нам понять, каким же образом мысль находит отражение в языке. По утверждению Винокура Г.О «сколь бы ни были разнообразны ассоциации слова, в основе их лежит все же один и тот же смысл, который раскрывается сознанию с разных сторон в зависимости от направленности нашей мысли». Ряд авторов доказал эффективность использования методики свободного

ассоциативного эксперимента в целях исследования лексики. В свое время ассоциативный подход получает высокую оценку со стороны Леонтьева А.А., отмечающий «принципиальное единство психологической природы семантических и ассоциативных характеристик слов» (Леонтьев 1969: 168). Ассоциативный эксперимент является эффективным средством доступа к языковому сознанию человека.

Возникшая ассоциативно совокупность слов осмысливается в лингвистике как поле. В работе Чернейко Л.О. и Долинского В.А. утверждается: «Слово как единая семантическая и психофизическая сущность воплощается в своем ассоциативном поле – проницаемом, специфичном, иерархически упорядоченном множестве других языковых единиц, которые соединены с данным словом при помощи ассоциативных связей, присущих как индивидууму, так и языковому коллективу» (Чернейко, Долинский 1996: 32). Но все же «концепт» – это конструкт, который репрезентирует ассоциативное поле имени, но не является равным ему. Концепт – парадигматическая структура, которая выводится из синтагматических отношений имени, зафиксированных в тексте, тогда как ассоциативное поле отражает все системные и несистемные связи и отношения явлений и слов. «Реконструируемый концепт абстрактного имени есть одно из средств формализации его ассоциативного поля» (Чернейко, Долинский 1996: 39). В итоге получается, что два разных подхода – ассоциативный эксперимент и концептуальный анализ – к одному объекту (какому-либо концепту) дают более глубокое и объемное представление о способе его существования в сознании и языке (а иногда и на уровне бессознательного).

В данном параграфе анализируются ассоциативные репрезентации концептов первостихий («Вода», «Земля», «Огонь») на материале ассоциаций школьников. В качестве стимулов мы предъявили 4 слова, первостихии, которые мы исследовали на материале текстов Куприна А.И. В группу испытуемых вошли ученики 10-11 классов МБОУ «СОШ № 42» г.

Белгорода. Количество реципиентов составило 50 человек. Реципиентам были предложены данные слова-стимулы. Им предлагалось записать все слова-реакции любой части речи на слова-стимулы. Полученные результаты на стимул вода предварительно распределим на группы (в скобках указывается количество упоминаний слова реципиентами ассоциативного эксперимента, если их больше, чем 1). Группа «Наименования водоемов», куда вошли: море, океан, лужи, водопад, озеро. «Характерные состояния воды» представлены следующими ассоциатами: дождь, лед, снег, жидкость. Группа бытовых реалий: колодец, стакан, кран. Философская категория выражается лексемой вечность. Группа «Морские животные»: медуза (2), дельфин, рыбы. Отметим, что в ходе эксперимента было получено множество эпитетов: быстрая, прозрачная, питьевая, холодная, морская, синяя, чистая, родниковая. Следующая группа «Состояния природы» определяется лексемой холод (7). Отметим редкие, но наиболее интересные ассоциации: Посейдон, Сочи, русалочка, пляж, весна, бриз. Наиболее частотные ассоциации представим в диаграмме 1:

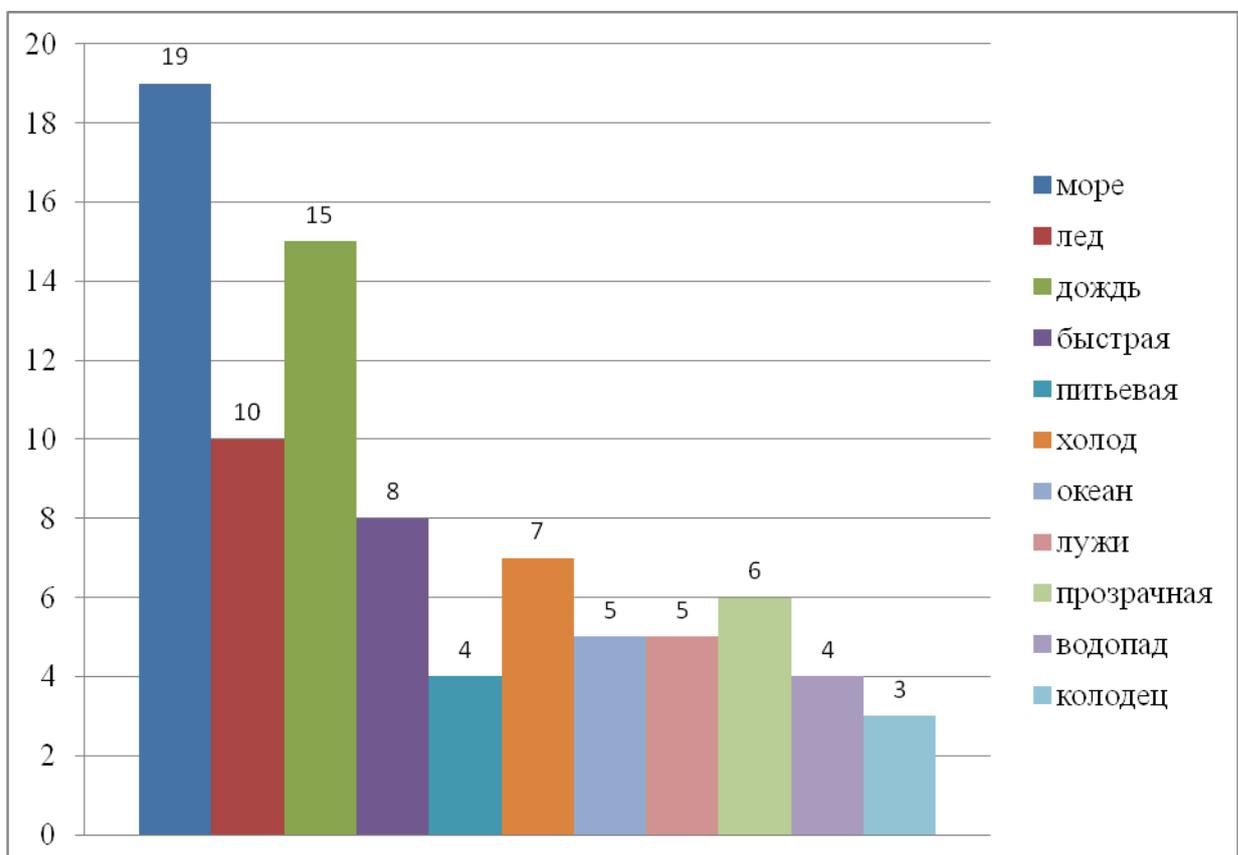

Диаграмма 1

На стимул земля были полученные следующие результаты: планета, Родина, дом, дерево, почва, плодородная, родная, черноземная, мать, огород, цветы, черная, зелень, грязь, мир, хлеб, цветы, пашня, пахарь, труд, крот, кормилица, стихия, весна, растения, жизнь, могила, трава, зерно, минералы, природа, сырость, твердая, сухая. Отметим редкие, но наиболее интересные ассоциации: кровь, война, Гера. Наиболее частотные ассоциации представим в диаграмме 2:

:

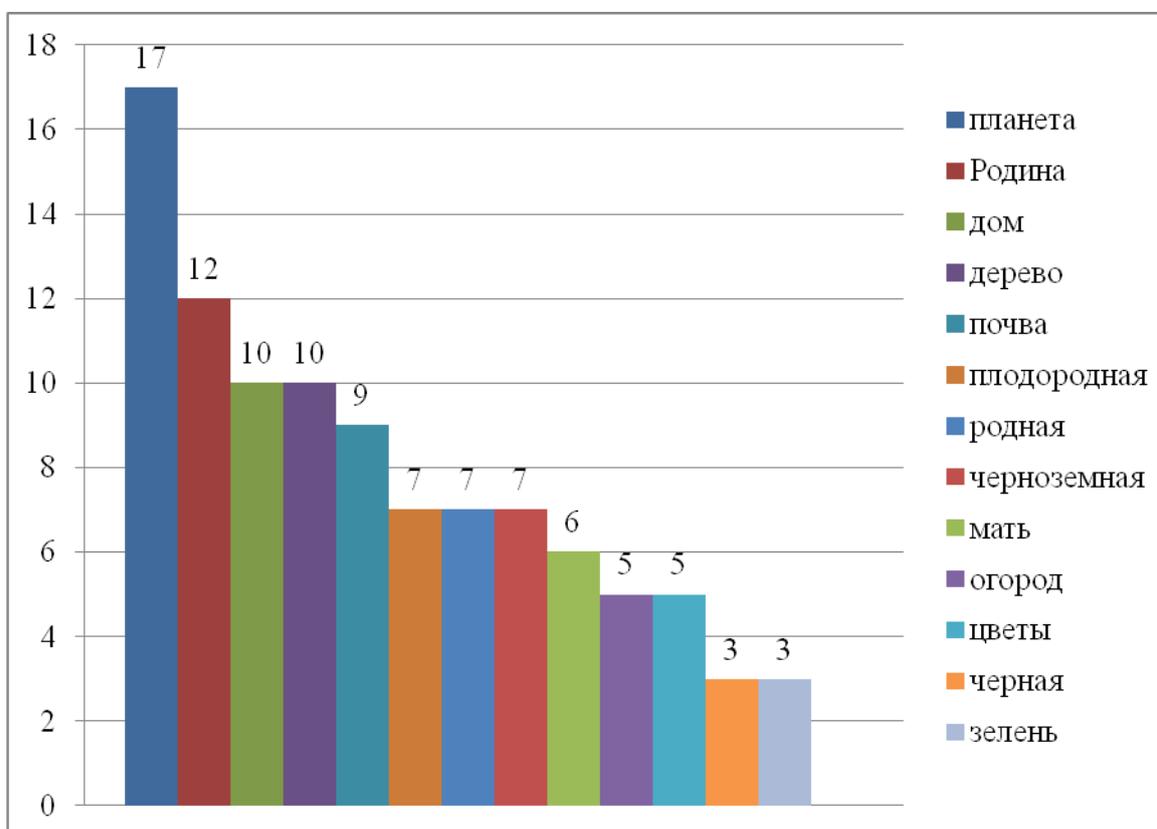
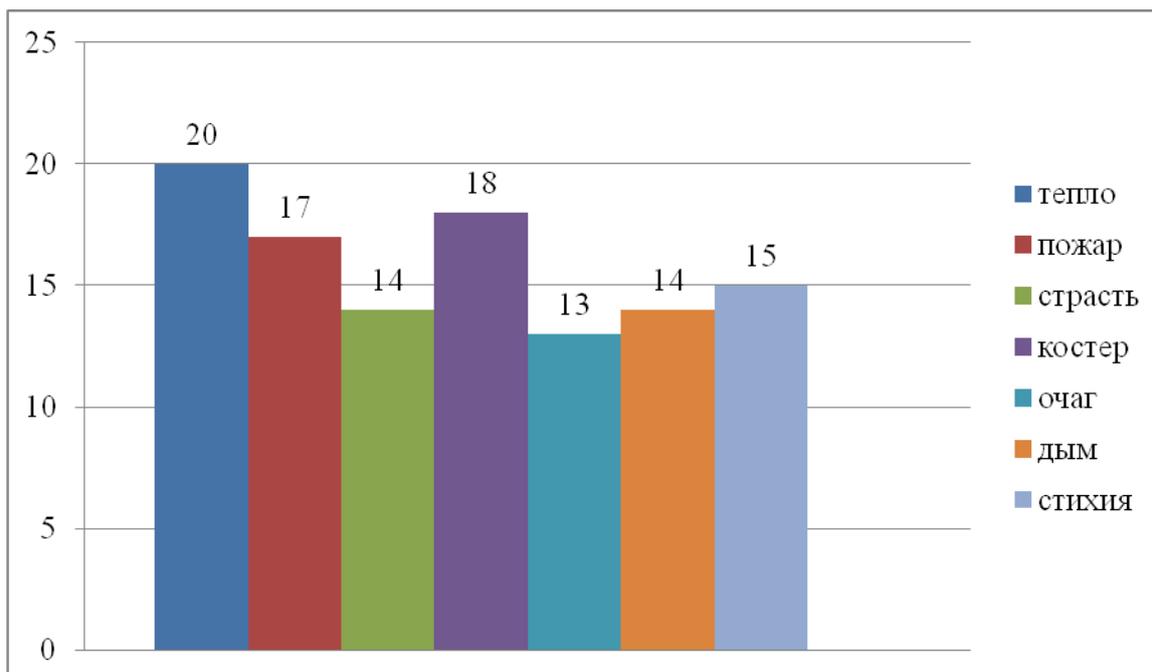

Диаграмма 2

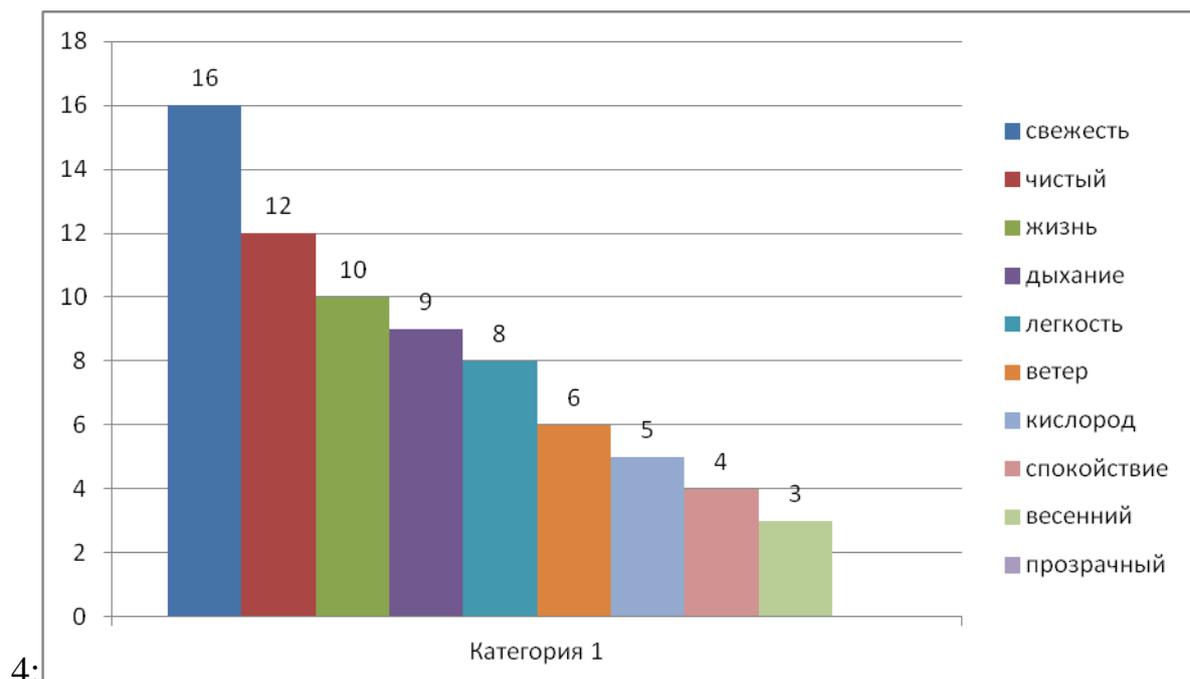
На стимул огонь были полученные следующие результаты: тепло, пожар, страсть, очаг, стихия, камин, жар, свет, я, яркость, пожарный, печка, боль, горячо, могущество, разрушение, сила, страх, лес, факел, пещера, перестрелка, ночь, грация, уют, очищение, опасность, солнце. Отдельно выделим характерные эпитеты, данные на стимул огонь: алый, красный,

яркий, беспощадный. В отдельную группу вошли предметы, связанные в сознании школьников с отдыхом на природе: костер, дым, дрова, уголь, мангал, шашлык, спички, кипяток. Интересны единичные ассоциации: Феникс, любовь, ревность, гороскоп и метафора «огонь любви». Наиболее частотные ассоциации представим в диаграмме 3:

На стимул воздух были полученные следующие результаты: свежесть, жизнь, дыхание, легкость, ветер, кислород, спокойствие, прозрачный, свобода, любовь, умиротворение, холод, вздох, необходимость, пространство, небо, запах, вихрь, буря, душа, ветер, ураган, шарик, дирижабль. Отдельно выделим группу эпитетов: чистый, весенний, приятный, теплый, загрязненный. Среди ассоциаций словосочетание – первые лучи солнца.

Наиболее частотные ассоциации представим в диаграмме

Заключение

В 1 главе дипломной работы мы рассмотрели понятие «концепта» и «концептосферы», изучили противоречивые точки зрения ученых по вопросу о соотношении значения, понятия и концепта, а также рассмотрели структуру концепта. В теоретической части дипломной работы представлен вопрос о концептуальной метафоре, в котором рассматривается история зарождения термина и виды классификаций метафоры. В 2 главе дипломной работы проведен анализ концептов «Вода», «Земля», «Огонь», «Воздух». Стихии мироздания являются неотъемлемой частью бытия человека, константы философской культуры, важнейшие пространственные и нравственные ориентиры. Художественные концепты «Вода», «Земля», «Огонь», «Воздух», представленные в художественных текстах А.И.Куприна, вбирают в себя абсолютное большинство концептуальных признаков языковых концептов и содержат в себе гораздо больший объем благодаря индивидуально-авторским смысловым приращениям. Концептуальное поле каждого из рассматриваемых концептов при всей сложности структуры актуализирует целостное сакральное пространство, границы которого расширяются от микромира (человека) до макромира (Космоса, Вселенной). Поэтому данные концепты обладают синкретичностью, образуют лексико-семантические, лексико-тематические, ассоциативные ряды. Слова-символы в модели художественного концепта обладают семантической нагрузкой, служат доминантами концептуального поля.

Проведенный ассоциативный эксперимент является показателем того, что исследуемые концепты в художественной речи являются наиболее выразительными, обладают дополнительными коннотативными значениями, репрезентируется не только при помощи лексем, но и с помощью метафор, эпитетов, сравнений и тд. Речь школьников отличалась конкретными значениями и поверхностными суждениями.

Библиографический список:

1. Абрамов, В.П. Семантические поля русского языка: Монография / В.П. Абрамов. – М.; Краснодар: Академия педагогических и социальных наук РФ, Кубанский государственный университет. 2003. – С. 338.
2. Абушенко, В.Л. Концепт / В.Л. Абушенко, Н.Л. Кацук // Постмодернизм: Энциклопедия. – Минск, 2001. – с .590 – 615.
3. Алефиренко, Н.Ф. Проблема вербализации концепта: Теоретическое исследование. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 326.
4. Алефиренко, Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н.Ф.Алефиренко – М.: Academia, 2002. – С. 394.
5. Алефиренко, Н.Ф. Концепт – понятие – категория в свете современной лингвокогнитивистики // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Выпуск №18 (89) /том 7/2010.
6. Алефиренко, Н.Ф. Концепт и значение в жанровой организации речи: Когнитивно-семасиологические корреляции / Н.Ф. Алефиренко // Жанры речи: Сборник научных статей. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2005. Вып.4. Жанр и концепт.
7. Арутюнова, Н.Д. Введение / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка: Ментальные действия. – М., 1993.
8. Арутюнова, Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры / Ред.Н.Д. Арутюнова. – М.: Прогресс, 1990. – с. 5-32.
9. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М., 1999. – С. 896.
10. Аскольдов, С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов // Русская словесность: Антология / Под ред. проф. В.П.Нерознака. М.: Academia, 1997.
11. Бабушкин, А.П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: ВГУ, 2001. – с. 52-57.

12. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П.Бабушкин – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996.-С. 103.
13. Балашова Л. В., Гришина Н. В. Концепт "воды" в языковом сознании человека Древней Руси / Л.В. Балашова, Н. В. Гришина // Мурзинские чтения: Динамика языка в синхронии и диахронии: материалы межвузовской научной конференции. Пермь, 2002. – С. 102–108.
14. Библийская энциклопедия Брокгауза. Ф. Ринекер, Г. Майер, 1994
15. Блэк, М. Метафора // Теория метафоры / Отв. ред. Артюнова Н. – М.: Изд-во «Прогресс», 1990. – С. 156.
16. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика / Н.Н. Болдырев- Тамбов: Изд-во Тамб. Гос. ун-та, 2000. – С. 123.
17. Болдырев, Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. - 2004. - №1. – с.18-36.
18. Болотнова, Н.С. Филологический анализ текста / Н.С. Болотнова. -Томск, 2006. 630с.
19. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. редактор В.Н. Телия. М.: АСТ – Пресс книга, 2006. – С. 784.
20. Брутян, Г.А. Язык и картина мира //НДВШ «Философские науки» 197, № 1. С. 109-110.
21. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание – М., Русские словари, 1997.
22. Вежбицкая, А. Понимание культур через средство ключевых слов – М., Языки славянской культуры, 2001.
23. Виноградова, Л.Н. Земля // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд-е 2-е. М.: Междунар. Отношения, 2002. С. 180-182.
24. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность,

концепт. Становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // НДВШ. Филологические науки. 2001. №1. – С. 64.

25. Воркачев, С.Г. Концепт как «зонтиковый термин» / С.Г. Воркачев // Язык, сознание, коммуникация. Вып.24. М.,2003. – с. 5-12.

26. Воркачев, С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2004. – С. 236.

27. Виноградова Л.Н. Земля // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд-е 2-е. М.: Междунар. Отношения, 2002. с.180-182.

28. Гак, В.Г. Метафора: универсальное и специфическое / В.Г. Гак // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. - С. 11-25.

29. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Санкт-Петербург; Москва, 1905. Т.1.

30. Демьянков, В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. – М., 1994. – № 4. – С.21.

31. Демьянков, В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке / В.З. Демьянков // Вопросы филологии, 2001. №1. – с. 35-47.

32. Домбровская, М.В. Концепт «дождь» в русской языковой картине мира / М.В. Домбровская // Русская сопоставительная филология, состояние и перспективы: Международная научная конференция. Казань: Изд-во Казан. Ун-та, 2004. - с.265-266.

33. Дэвидсон, Д. Что означают метафоры // Теория метафоры / Отв. ред. Н.Д.Артюнова. – М.: Изд-во «Прогресс», 1990. – С. 174.

34. Залевская, А.А. Введение в психолингвистику: учебник. - М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. - 382 с.

35. Залевская, А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта / А.А. Залевская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / Под. ред . И.А. Стернина. – Воронеж: ВорГУ, 2001.

36. Карасик, В.И., Слышкин, Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / Под ред. И. А. Стернина. Воронеж: ВГУ, 2001. – с.75-80.

37. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик – Волгоград: Перемена, 2002. – 390с.

38. Карасик, В.И. Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 1999. – С. 195.

39. Карасик, В.И., Слышкин, Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И.Карасик, Г.Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / Под. ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ВорГУ, 2001.

40. Караулов, Ю.Н. Ассоциативный анализ: новый подход к интерпретации художественного текста / Ю.Н. Караулов // Материалы IX конгресса МАПРЯЛ. Братислава, 1999. Доклады и сообщения русских ученых. М.: ИОО "Лев Толстой", 1999. - с. 151 -158.

41. Колесов, В.В. Язык и ментальность. – СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2004. – С. 240.

42. Колесов, В.В. Концепт культуры: образ понятие - символ /В.В. Колесов // Вестник СПбГУ. 1992. Сер.2. Вып.3. (№16).

43. Колесов, В.В. Философия русского слова / В.В. Колесов. – СПб.: ЮНА, 2002.

44. Кошарная, С.А. Миф и язык / С.А.Кошарная – Белгород, 2002.- С.287.

Кубрякова, Е.С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова «Память» / Е.С. Кубрякова // Логический анализ языка: Культурные концепты. М.: Наука, 1991.

45. Краткая энциклопедия славянской мифологии / сост. Шапарова Н.С. М.: АСТ, Астрель, Русские словари, 2001. – С. 624.

46. Кубрякова, Е.С., Демьянко, В.З., Панкрац, Ю.Т., Лузина, Л.Г.

Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. Ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996.

47. Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М., 1996. – С. 245.

48. Лагута, О.Н. Метафорология теоретические аспекты: О.Н. Лагута. – Новосибирск: НГУ, 2003. – Ч.1-2.

49. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: УРСС Эдиториал, 2004. – С.256.

50. Леонтьев, А.А. Язык, речь, речевая деятельность – М.: Просвещение, 1969. – С. 214

51. Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. ред. В.Н.Ярцева. М.: Научное изд-во «Большая Российская Энциклопедия», 2002.

52. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // ИАН СЛЯ. 1993. Т.52, №1. с.3-9.

53. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С.Лихачев // Русская словесность: Антология / Под ред. В.П.Нерознака.- М.: Academia, 1997.- 280-С.287.

54. Логический анализ языка: Культурные концепты. – М.: Наука, 1991.

55. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика / В.А. Маслова. Минск, 2004.

56. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А.Маслова. М.: Академия, 2001.

57. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику: Учебное пособие / В.А. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2004.- 296 с.

58. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 т. Т.2: / Гл. ред. С.А. Токарев – изд. 2- е. – М.: Советская энциклопедия, 1992. – С. 719.

59. Неретина, С.С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абеяра. – М.,1995

60. Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла. Кн.2. – Итало-советское

изд-во СИРИН, 1990. – С.390.

61. Опарина, Е. О. Концептуальная метафора / Е. О. Опарина // Метафора в языке и тексте / отв. ред. В.Н. Телия. - М.: Наука, 1988. – С. 65-77.

62. Ортони, Э. Роль сходства в уподоблении и метафоре // Теория метафоры / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Изд-во «Прогресс», 1990. – С. 215.

63. Петров, В. В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу / В. В. Петров // Вопросы языкознания. - 1990. - № 3. - С. 135-138.

64. Попова, З.Д. Из истории когнитивного анализа в лингвистике// Методологические проблемы современной лингвистики – Воронеж, 2001.

65. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З.Д. Попова, И.А. Стернин. Воронеж, 2000.

66. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 2001.

67. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. – Воронеж: ВГУ, 2002. – С.313.

68. Приходько, Г.В. Концепт «ОГОНЬ» в картине мира русского народа / Г.В. Приходько // Наука. Университет. 2005. Материалы шестой научной конференции. Новосибирск, 2005. – С.86-89.

69. Поцепня, Д.М. Образ мира в слове писателя / Д.М. Поцепня. СПб: Изд-во СПб ун-та, 1977. – 260с.

70. Прох, Л.З. Словарь ветров / Л.З. Прох. Л.: «Гидрометеиздат», 1983. Рахилина, Е.В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики / Е.В. Рахилина // Известия АН СЛЯ, 2000. – Т. 59. – №3.

71. Рудакова, А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика / А.В. Рудакова. – Воронеж, 2002. – С. 69.

72. Серкин, В.П. Решение задачи о случайности/неслучайности количества групповых ассоциаций // Психодиагностика. – 2009. – №4. – с. 22-

31.

73. Скляр, М.С. Концепт слова «стихия» в русском языке: Дисс. .к. филол. наук / М.С. Скляр. – М., 2006.

74. Славянская мифология. Энциклопедический словарь / под ред. С.М. Толстой. – М.: Международные отношения, 2002. – С.512.

75. Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд. – М., 1999.

76. Слышкин Г.Г. Концептологический анализ институционального дискурса // Филология и культура. Материалы III Международной конференции, 2001, – с.34-36.

77. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: моногр. – Волгоград: Перемена, 2004. – с.34-56.

78. Стернин, И.А. Методика исследования структуры концепта// Методологические проблемы современной лингвистики – Воронеж, 2001.

79. Стернин, И.А. Лексическое значение слова в речи / И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 1985. – 170с.

80. Степанов, Ю.С. «Константы. Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2001. – С. 990.

81. Стилистический энциклопедический словарь русского языка [электронный ресурс] / под ред. М.Н. Кожинной; члены редколлегии: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сковородников. – 2-е изд., стереотип. – М.: Флинта: Наука, 2011. – С.696

82. Сергеева, Е.В. Проблема интерпретации термина «концепт» в современной лингвистике // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – С.126-129.

83. Соссюр, Ф. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – С. 695.

84. Телия, В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический, культурологический аспекты. – М., 1996. – 284 с.

85. Телия, В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой

картины мира / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. – М., 1988. – С. 203.

86. Телия, В. Н. Метафоризация и ее роль в создании русской языковой картины мира / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – с. 173-204.

87. Уилрайт, Ф. Метафора и реальность. Теория метафоры. - М., 1990. - с. 82-119

88. Фразеологический словарь русского литературного языка. Сост. А.И. Федоров – М.: АСТ, 2002. – С. 720.

89. Худяков, А.А. Концепт и значение // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград-Архангельск: Перемена, 1996. с. 97 – 103.

90. Чернейко, Л. О. Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа [Текст] / Л.О. Чернейко, В.А. Долинский // Вестник Московского университета. Сер.9.Филология. – 1996. – №6. – С. 20-41.

91. Чудинов, А.П., Будаев, Э.В. Вопросы когнитивной лингвистики. Вып.№ 4/2007.

92. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург: УрГПУ, 2001. – С. 238.

93. Шабанова, Е. Л. Концептуальная метафора: Направления в исследовании (обзор) / Е. Л. Шабанова // Реферативный журнал. Языкознание 1999. – № 1. – с. 158-176.

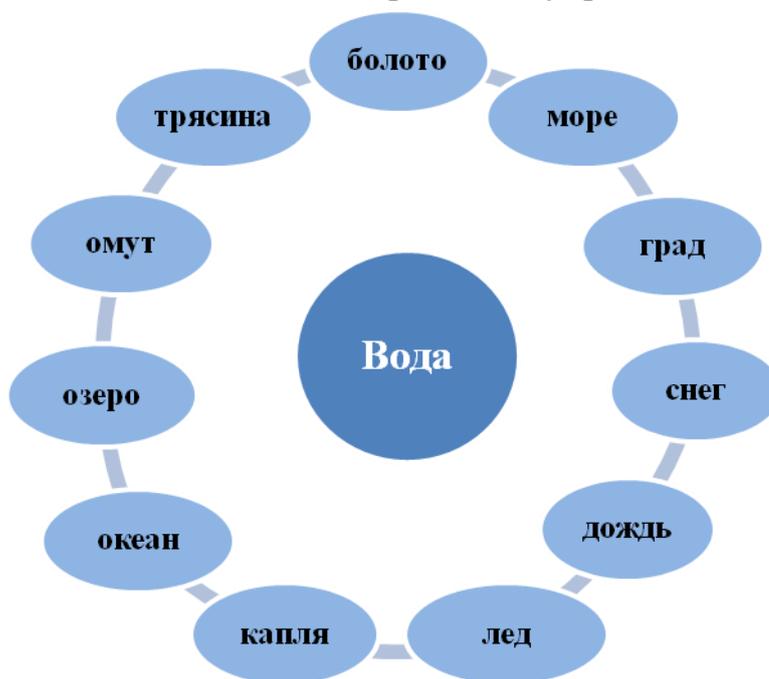
94. Шведова, Н.Ю. К определению концепта как предмета языкознания / Н.Ю. Шведова //Языковая личность: текст, словарь, образ мира. Сб. статей. – М.: Изд-во РУДН, 2006

95. Ярцева, В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь / В.Н. Ярцева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – С. 685.

Источники:

1.Куприн А. И. Собр. соч.: в 11 т. М.: издание «Московского книгоиздательства», 1908- 1917.

Концепт «Вода» в творчестве Куприна А.И.

Концепт «Земля» в творчестве Куприна А.И.

Концепт «Огонь» в творчестве Куприна А.И.

Концепт «Воздух» в творчестве Куприна А.И.

